

Б И Б Л И О Т Е К А

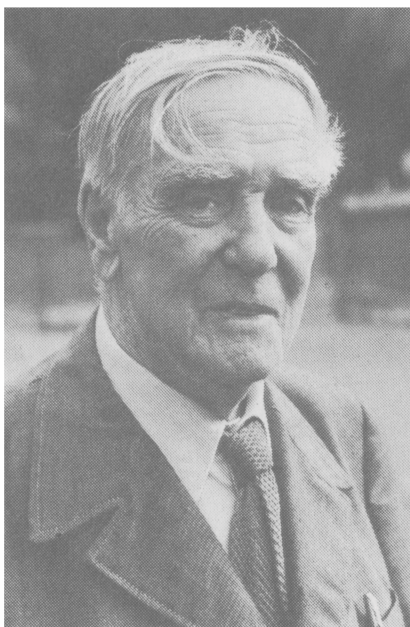
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 32

1990

Петр КАПИЦА

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

О НАУКЕ И ВЛАСТИ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 32

Издается с 1925 года

Петр КАПИЦА

О НАУКЕ И ВЛАСТИ

ПИСЬМА

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1990

П. А. КАПИЦА

(1894—1984)

Петр Леонидович Капица — выдающийся физик, инженер, организатор науки. Лауреат Нобелевской премии, член многих академий и научных обществ мира. Ученик А. Ф. Иоффе и великого английского физика Э. Резерфорда, основатель школы физиков и инженеров. Автор не только фундаментальных научных работ, но и блестящих публицистических выступлений, посвященных актуальным вопросам развития науки, творческому воспитанию молодежи, современным глобальным проблемам, истории науки и культуры... Чрезвычайно богатое эпистолярное наследие ученого только сейчас начинает публиковаться. В письмах П. А. Капицы руководителям страны он не раз возвращается к проблеме взаимоотношения ученого и власти. В нашей стране эти отношения нередко приобретали характер противостояния. В полной мере это относится и к жизненному опыту самого П. А. Капицы. Чувствуя себя хозяином страны, ответственным за ее благополучие, он не раз входил в конфликт с Властью как во времена сталинщины, так и в застойные годы. Иногда Власть уступала, иногда ученому удавалось установить с ней конструктивное сотрудничество на благо нашей страны. В 1946 году Власть взяла реванш — П. А. Капица был изгнан из созданного им института и освобожден от должности начальника Главкислорода. До смерти Сталина и ареста Берии жизнь его находилась в опасности — в печати промелькнуло сообщение о том, что в бериевском ведомстве готовилось его убийство...

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

С письмами, которые академик П. Л. Капица писал руководителям нашей страны с осени 1934 по 1955 год, я познакомился только после кончины Петра Леонидовича, с которым я работал в качестве его личного референта последние 29 лет его жизни. Вместе с его женой Анной Алексеевной я стал разбирать личный архив ученого. Там находились и копии этих писем.

В огромном и чрезвычайно богатом эпистолярном наследии П. Л. Капицы письма руководителям страны занимают особое положение. Меня поразило их количество — более трехсот писем самым высоким адресатам с 1934-го по 1983 год. Сталину, например, Капица написал 45 писем, Молотову — 71, Маленкову — 63, Хрущеву — 26...

Первая мысль, которая приходит, когда читаешь эти письма: пишет человек, который ощущает себя хозяином страны. И писал он свои письма «наверх» простым и ясным языком, человеческим языком, как равный равным. Писал письма мудрые и глубокие, порой отчаянно смелые. Не думаю, что найдется в нашей стране еще один ученый, который бы так мужественно и решительно, на протяжении всей своей жизни, вставал на защиту людей науки, подвергшихся репрессиям. В этом П. Л. Капица видел свой долг ученого и гражданина.

Писать «наверх» Петр Леонидович начал в тот самый год, когда Власть страны запретила ему вернуться в Кембридж, где он в течение тринадцати лет работал у Резерфорда. Вы считаете, что я должен работать на Родине, рассуждал ученый, так помогите же мне создать в Москве нормальные условия для моей научной работы...

Он приехал в Ленинград в начале сентября 1934 года вместе с женой, чтобы по примеру прошлых лет повидать родных и друзей, выступить с лекциями о своих работах и посетить Харьковский физико-технический институт, консультантом которого он был с 1929 года. Приехал ученый с европейским именем, как тогда говорили, член Лондонского Королевского общества, директор Мондовской лаборатории при Кембриджском университете... 25 сентября его срочно вызвали в Москву, и заместитель председателя СНК СССР В. И. Межлаук сообщил ему, что на этот раз вернуться в Англию ему не разрешено. Он должен рабо-

тать в СССР. Это решение Политбюро... Так Капица столкнулся впервые вплотную с Государственной Властью.

Анна Алексеевна уехала одна в Кембридж к детям, а Петр Леонидович остался.

Он решает переменить область своих исследований, заняться биофизикой, «вопросами механики мышечной области». «Обращением к И. П. Павлову, — пишет он Межлауку, — я выяснил, что общее направление этих работ им одобряется и что он также интересуется этими вопросами». Свое решение Петр Леонидович мотивирует тем, что исследования в области сверхсильных магнитных полей и низких температур, которые он вел в Кембридже, требуют сложного оборудования и работников высокой квалификации.

Еще при первой встрече с Межлауком Капица предлагал такой «безболезненный» выход из создавшейся конфликтной ситуации — он едет в Кембридж и договаривается с Резерфордом и Кембриджским университетом о приобретении научного оборудования своей лаборатории. Но ему отказывают, ему не доверяют.

Можно представить себе, что пережил ученый в эти тяжелые для него недели, какие мысли мучили его. Не верите мне, захватили воровским способом и думаете, что я буду выполнять безропотно все ваши указания, плясать под вашу дудку? Не будет этого! Я буду заниматься тем, к чему у меня лежит душа и что я могу делать в таких условиях, — решает он и начинает читать книги и статьи по биофизике, которой он интересовался давно и интерес к которой сохранил до конца своей жизни.

Ученый бросает вызов Власти. Он протестует против «свинского» обращения с исследователем. Это слово появляется не в одном из его писем тех лет.

Власть идет на уступки. Правительство обещает Капице купить научное оборудование Мондовской лаборатории. 23 декабря 1934 года В. М. Молотов подписывает постановление СНК СССР о строительстве в Москве Института физических проблем. Несколько дней спустя газеты сообщают, что директором нового института назначен профессор П. Л. Капица.

Полпреду СССР в Лондоне И. М. Майскому поручено вести переговоры с Резерфордом. Не дожидаясь исхода этих переговоров, Капица разрабатывает проект лабораторного корпуса своего института «под» оборудование своей кембриджской лаборатории. В мае 1935 года на тихой московской окраине за Калужской заставой начинается строительство нового института.

Власть, однако, по-прежнему не доверяет ученому, ему не разрешают даже позвонить Резерфорду по телефону. И тот отказывается идти навстречу Майскому. «Я сообщил им, — пишет он Капице 25 сентября, — что готов всячески содействовать в приобретении дубликатов всех нужных Вам приборов, однако при том непременно условии, что Вы свободно и прямо выразите на это свое согласие. Естественно, что при

существующих обстоятельствах я не испытываю желания помогать кому бы то ни было, кроме Вас, поскольку чувство моей благодарности к СССР нельзя назвать особенно сильным.

В мае — августе 1935 года Петр Леонидович пишет несколько чрезвычайно резких писем Председателю СНК СССР В. М. Молотову и **заставляет** правительство допустить его до переговоров со своим великим учителем и другом. Письмо Резерфорда, отрывок из которого мы привели, было написано уже после того, как Капица явочным порядком направи́л ему свои предложения, которые были затем утверждены Межлауком...

Здание лабораторного корпуса Института физических проблем было принято правительственной комиссией 23 декабря 1935 года, и в эти же дни в Ленинградском порту выгружаются первые ящики с оборудованием Мондовской лаборатории...

Идет монтаж научного оборудования, строится жилой дом для сотрудников института... Строительство идет медленно, с перебоями, и Петр Леонидович нервничает, он стосковался по работе в лаборатории, ему не терпится вернуться к исследованиям, которые так грубо были прерваны Властью.

«Теперь я задаю себе вопрос, — пишет он Межлауку 25 апреля 1936 года, — почему Вы, правительство, ничего сделать не можете? Я могу себе ответить на этот вопрос двояко:

1. По существу, Вы не считаете <...> мою работу как ученого достаточно важной и нужной стране, чтобы ее обеспечить должными темпами строительства и таким образом дать мне возможность начать работать по возможности скорее.

Но зачем тогда Вы меня задерживали? Ведь вот я уже почти два года оторван от моей научной работы. Кажется, чего проще построить лабораторию и (жилой) корпус для научных работников. Манией грандиозо я не страдаю, все делается в маленьком масштабе. Ведь мой институт чуть не самый маленький в Союзе. Ведь это же не Магнитогорск, не Кузнецк, не Днепрострой, ведь всего нужно несколько десятков маляров, штукатуров, плотников. Ведь это же для государства крупинка. Это такое незначительное зернышко, что товарищи Борисенко и Венециан (управляющий трестом «Заводострой» и начальник строительства АН СССР. — П. Р.) только и говорят, что и браться не хотелось. ...По-видимому, в таких настроениях и заявлениях они отражают мнение партии и правительства, и это, конечно, мне очень обидно слышать, так как, к сожалению, я испорчен тем, что привык, что мою работу уважают.

2. Вторая возможность не лучше — это прямо то, что Вы, правительство, <...> не в силах заставить Boriszenko and C^o Ltd Вас слушаться. Но тогда, какое же Вы правительство, если Вы не можете заставить построить к сроку двухэтажный домишко и привести в порядок 10 комнат после монтажа? Тогда же Вы просто мямли.

Что сейчас получается? Мне уже больше года приходится <...> воспитывать строителей! 2/3 моей энергии идет в это русло. Ведь это же не то, за что меня ценили, к чему я приспособлен <...>. Представьте себе, что Вы увидели у соседа скрипку. Вы нашли возможность ее у него отнять. И что же Вы делаете вместо того, чтобы играть на ней? Вы в продолжении двух лет забиваете ею в каменную стену гвозди.

Может быть, Вы оправдываетесь тем, что у Вас нет молотка под рукой, а вот скрипка, та крепкая, пожалуй, не развалится. Может, и не развалится, но тон ее, без сомнения, станет хуже. Конечно, скрипка — это я. ...Скрипку-то Вы силой отняли, а играть не умеете даже «Чижики»...

В те годы — и до конца жизни П. Л. Капица боролся не только «за себя» и за свой институт, он боролся за нашу науку, боролся за то, чтобы она заняла достойное место в жизни нашего общества. «Вот смотрите сами,— пишет он Межлауку в другом письме,— Вы — правительство, я — ученый. Но мы оба граждане Союза, и перед нами одна задача — добиться процветания страны». А добиться процветания страны невозможно, по его глубокому убеждению, без передовой науки. «Двигать вперед нашу технику, экономику, государственный строй может только наука и ученые», — пишет он Сталину 3 октября 1945 года.

Он пытается внушить эту мысль всем руководителям страны, которым он писал на протяжении своей большой жизни. Добился ли он успеха в своих усилиях? Положительно ответить на этот вопрос не берусь, хотя и думаю с грустью: как жаль, что Петр Леонидович не дожил до наших дней...

Первое свое письмо Сталину Капица отправил 1 декабря 1935 года, когда узнал, что сенат Кембриджского университета дал согласие на передачу его лаборатории Советскому Союзу. Письмо очень личное, очень горькое. И в то же время мужественное. Ученый обеспокоен прежде всего судьбой науки в стране. Этим письмом начинается подборка писем П. Л. Капицы, которую мы предлагаем вниманию читателей. Письмо это, с небольшими сокращениями, публикуется впервые.

Второе письмо Капица направляет Сталину 12 февраля 1937 года, на следующий день после того, как в Ленинграде был арестован молодой талантливый физик-теоретик В. А. Фок. В тот же день Капица пишет Межлауку, с которым у него установились хорошие деловые отношения и который ведал в те годы наукой в правительстве. «Я очень сильно переживаю арест Фока,— пишет Капица Межлауку.— Меня разбирает страх, что это грубый, недостаточно продуманный акт. Он может принести большой вред нашей науке. Я так волнуюсь, что написал, правда, очень кратко, тов. Сталину об Фоке. Иначе я буду чувствовать, что я не сделал все, что могу, чтобы предотвратить, как мне кажется, большую ошибку. Сердитесь на меня как хотите, но я иначе не мог поступить».

По-видимому, Межлаук, который хорошо знал Сталина, совершенно недвусмысленно советовал Капице не писать тому писем. А он все-таки написал. Причем не очень стесняясь в выражениях. «Такое об-

ращение с Фоком, — пишет Капица Сталину, — вызывает как у нас, так и у западных ученых внутреннюю реакцию, подобную, например (реакции), на изгнание Эйнштейна из Германии».

Поразительно, но после этого вызывающего письма Фок был немедленно освобожден!..

28 апреля 1938 года был арестован заведующий теоретическим отделом Института физических проблем Л. Д. Ландау, будущий Нобелевский лауреат. Капица в тот же день пишет Сталину. Но на этот раз письмом «не сработало». В. И. Межлаук, который год назад помог вызволить из тюрьмы В. А. Фока, сам оказался теперь за решеткой как «враг народа». 29 июля 1938 года он был расстрелян.

Капица не может смириться с тем, что Ландау погибает в тюрьме. «Я все надеялся, что его отпустят, — пишет он Молотову 6 апреля 1939 года, — так как я должен прямо сказать, что не могу поверить, что Ландау государственный преступник». В этом письме, прямом и резком, он пишет: «Ландау дохлого здоровья, и если его зря заморят, то это будет очень стыдно для нас, советских людей».

Петра Леонидовича вызывают на Лубянку, и заместители Берии Меркулов и Кобулов пытаются убедить его в том, что Ландау «немецкий шпион». Они предлагают Капице познакомиться с его многолетним делом. «Нет, — говорит Петр Леонидович, — я этого делать не буду. Я не вижу мотивов преступления...» К такому языку помощники Берии не привыкли. Своим отказом познакомиться с результатом их «труда» Капица ставил под сомнение все показания Ландау, выбитые из него следователями.

Несколько дней спустя Ландау был освобожден «под личное поручительство» П. Л. Капицы...

Когда я читал письма Капицы «наверх» середины 30-х годов, я был поражен тем, как быстро почувствовал себя советским ученым, ответственным за развитие науки в своей родной стране, человек, который с 1921 года тринадцать лет работал в Англии. 6 июля 1936 года он пишет яростное письмо Молотову, которое начинается следующими словами: «Статья в «Правде» о Лузине меня озадачила, поразила и возмутила, и, как советский ученый (подчеркнуто мною. — П. Р.), я чувствую, что я должен сказать Вам, что я думаю по этому поводу». Он пытается предотвратить кампанию «на уничтожение» одного из ведущих математиков страны, которая развернулась вскоре в печати и на собраниях в НИИ и университетах. Это письмо Председатель Совнаркома СССР вернул ученому со следующей припиской карандашом в правом верхнем углу первой страницы: «За ненужностью вернуть гр-ну Капице. В. Молотов».

Хамская «резолюция» (а как назвать ее иначе?) прекрасно характеризует нашу тогдашнюю Власть. Капицу это вельможное хамство глубоко задело. В его архиве сохранился черновик неотправленного письма Сталину. «Так неужели же, тов. Сталин, — пишет Капица, — социализм

не кроет в себе тех организационных моментов, которые дадут нам возможность стать на самостоятельные ноги в культурно-техническом и научном творчестве? Я не верю в это. Мы должны это изменить. Но как это сделать? Конечно, инициатива должна идти от нас, ученых. Пускай другой раз я не прав, ошибался или (был) неприятно резок. <...> Но мне кажется, что это лучше, чем сидеть и ждать. Неужели я не прав, вмешиваясь во все дела, касающиеся науки в Союзе? Так почему же тогда мне возвращают мои письма с надписью «за ненадобностью», не отвечают на мои записки и письма?..»

Не мог Петр Леонидович тогда понять, что он был неизмеримо более советским и государственно мыслящим человеком, чем такие «советские государственные деятели», как Сталин и Молотов, которым он писал...

10 ноября 1939 года он пишет Молотову: «Если я хочу показать, какая должна быть наша особенная советская наука, то единственный путь это сделать наверняка — это примером, а не словами». Петр Леонидович Капица создает в Москве один из лучших в те годы физических институтов мира, и уже в начале декабря 1937 года направляет в печать статью, в которой сообщает об открытии сверхтекучести гелия. Этой работой было положено начало исследованиям Капицы, которые спустя сорок лет были отмечены Нобелевской премией.

27 марта 1936 года, когда Институт физических проблем еще не был принят правительственной комиссией, в ежедневнике Капицы появляется такая запись: «Приходили инженеры с завода В(сесоюзного) А(втогенного) Т(реста). Обсуждали вопрос о разделении кислорода и азота из воздуха с точки зрения использования газа для доменных печей. КПД современных установок очень мал по сравнению с теоретическим. Затрачиваем мощность в 6—7 раз большую. Почему? Ответа дано не было». 28 марта он записывает: «Начал работать над вопросом получения установки с большим КПД для разделения воздуха». На следующих девяти страницах одно лишь слово: «Работаю». 9 апреля: «Работал и начал делать турбину...»

Так началась работа ученого над кислородными установками.

«Работа эта примечательна тем, что возникла она не из какой-нибудь изобретательской идеи, которая получила чисто конструктивное решение, а из идеи дать стране дешевый кислород», — сказал Петр Леонидович несколько лет спустя.

Вот такую — государственной важности — задачу поставил перед собой ученый, начиная работать на родной земле.

Когда в Институте физических проблем были построены и заработали первые установки для получения жидкого воздуха и жидкого кислорода, начинается новый этап — не менее сложный и трудный. Теперь предстоит внедрять эти установки в промышленность.

20 апреля 1938 года Капица пишет большое письмо Молотову. В этом письме он предлагает запатентовать свое изобретение за грани-

цей. «Если Вы решите брать эти патенты и они будут получены,— пишет он,— я хочу, чтобы все возможные доходы пошли нашей стране...»

В военные годы созданные в Институте физических проблем небольшие экспериментальные установки работали на полную мощность, снабжая кислородом танковые заводы, госпитали и авиационные части. Постановлением ГКО на институт возложена ответственность за разработку и строительство двух мощных кислородных установок — ТК—200, производительностью до 200 кг жидкого кислорода в час (она была смонтирована на территории ИФП) и ТК—2000 в Балашихе, проектной мощностью 2000 кг жидкого кислорода в час.

6 апреля 1943 года Капица пишет Молотову и предлагает создать специальную организацию, которая взяла бы на себя ответственность за внедрение разработанных им кислородных установок. Постановлением правительства в мае 1943 года создается Главное управление по кислороду при СНК СССР, и Капица назначается начальником этого управления. Так он становится **государственным человеком** в прямом смысле этого слова. К сожалению, ненадолго...

Поток писем Капицы «наверх» становится в те годы особенно «могучим». Читаешь сейчас эти письма и поражаешься энергии ученого, его настойчивости в достижении поставленных целей. Им самим же и поставленных!..

В Москве строится — и какими темпами! — завод кислородного машиностроения. В Балашихе монтируется мощная кислородная установка ТК—2000. 30 января 1945 года Балашихинский кислородный завод был принят правительственной комиссией. 30 апреля Капице было присвоено звание Героя Социалистического Труда. В этот же день были подписаны указы о награждении Института физических проблем орденом Трудового Красного Знамени, о награждении орденами и медалями большой группы работников ИФП и Главкислорода...

Проходит еще несколько месяцев, и жизнь опять сталкивает Капицу с всемогущим Берией...

После того, как американцы в августе 1945 года сбросили на Хиросиму и Нагасаки атомные бомбы, в нашей стране был создан «Специальный комитет», который возглавил Берия. В состав этого комитета был включен и Капица. Вот так он попал под начало человека, с которым сработаться был органически не способен. Да и Берия «имел на него зуб» за то, что он вырвал из лап НКВД В. А. Фока и Л. Д. Ландау, выступал в защиту других репрессированных ученых.

Борьба начинается не на жизнь, а на смерть. Начальник Глававтогена М. К. Суков отправляет Сталину пространное (7 страниц на машинке) письмо-донос на Капицу. Приводим две цитаты из этого «документа»: «Система деятельности Главкислорода имеет явно капиталистический оттенок, не позволяющий развития новых идей, предложений и широкого технического обсуждения общественностью...» «Академик Капица в отдельных весьма важных государственных заданиях и обяза-

тельстввах, которые он на себя берет, обманывает и вводит в заблуждение правительство, заведомо зная невыполнимость данных им обещаний...»

На одном из ближайших заседаний Бюро СНК СССР Берия, который был председателем Бюро, зачитывает выдержки из письма-доноса Сукова, а потом, явно провоцируя Капицу, предлагает назначить доносчика его заместителем!

Ученый взрывается. Он пишет Сталину о «недопустимости» отношения Берии к ученым и просит освободить его от работы в Специальном комитете по атомной бомбе. В новом письме, написанном полтора месяца спустя, он в довольно язвительной форме высказывает «отцу народов» все, что он думает о его ближайшем сподвижнике — Берии. В конце послания такая приписка: «Мне бы хотелось, чтобы тов. Берия познакомился с этим письмом, ведь это не донос, а полезная критика».

И Сталин, естественно, познакомил Берию с этой «полезной критикой» и сделал это, по всей вероятности, с большим удовольствием.

Несколько дней спустя, как рассказал мне однажды Петр Леонидович, ему в институт позвонил сам Берия. «Товарищ Сталин показал мне ваше письмо, — сказал он. — Надо поговорить. Приезжайте». «Мне с вами говорить не о чем, — ответил Капица. — Если вам нужно со мной поговорить, то приезжайте ко мне в институт». И повесил трубку. И Берия приехал! И привез с собой великолепный подарок — богато инкрустированную тульскую двустволку.

После письма ученого Сталину Капицу по его просьбе освобождают от работы в Специальном комитете. Он продолжает руководить Главкислородом и работает над созданием газовой кислородной установки для Косогорского металлургического завода.

Жизнь идет своим чередом, Капица полон энергии и энтузиазма. И тут он получает письмо от Сталина. «Все Ваши письма получил, — пишет ему Сталин 4 апреля 1946 года. — В письмах много поучительного — думаю как-нибудь встретиться с Вами и побеседовать о них».

Это короткое послание от «великого» корреспондента Капицы сыграло, на мой взгляд, роковую роль в жизни Петра Леонидовича, в судьбе его кислородных установок.

Сейчас, когда мы так много узнали о Сталине, трудно отделаться от мысли, что, обдумывая это письмо ученому, который посмел выступить против его верного слуги — Берии, Сталин злорадно усмехался. Он представил себе, как встревожится Берия, прочитав эту записку вождя ученому, копию которой ему, конечно же, немедленно доставят. «Все Ваши письма получил», — писал Сталин. **Все!** То есть и те, в которых содержится «полезная критика» Берии. «Думаю как-нибудь встретиться с Вами и побеседовать о них». Побеседовать?! О чем они будут беседовать?..

Реакция Берии была стремительной. Много лет спустя, уже после смерти Сталина и ареста Берии, генерал А. В. Хрулев рассказал Петру

Леонидовичу о разговоре Сталина с Берией, случайным свидетелем которого он оказался. Берия требовал ареста Капицы, а Сталин ему сказал: «Я его тебе сниму, но ты его не трогай».

И он свое обещание выполнил. Через месяц и десять дней после того, как он отправил Капице свое любезное письмо, Сталин подписывает постановление Совмина СССР о проверке работы Главкислорода. При чем в состав правительственной комиссии включаются все основные враги Капицы, его научные оппоненты, а также министры М. Г. Первухин и В. А. Малышев, которым и поручалось «снять» ученого.

В архиве П. Л. Капицы хранится стенограмма заседания правительственной комиссии от 21 июня 1946 года. Читать эту стенограмму тяжело. Тяжело потому прежде всего, что мы знаем о сговоре Сталина с Берией. И знаем, что исход борьбы предreshен. А Капица не знал о сговоре, ему, человеку чистому и честному, преданному своему делу и Родине, даже мысль о чем-то подобном не могла прийти в голову. Он понимал, конечно, что сам, выступив против Берии, навлек на себя беду, но он верил в научную истину. И сражался до конца.

17 августа 1946 года Сталин снимает П. Л. Капицу с должности начальника Главкислорода и с должности директора Института физических проблем «за невыполнение решений Правительства о развитии кислородной промышленности в СССР, неиспользование существующей передовой техники в области кислорода за границей, а также неиспользование предложений советских специалистов». А начальником Главкислорода назначили М. К. Сукова — в награду за его донос на Капицу. Директором же Института физических проблем стал тогда член-корреспондент АН СССР А. П. Александров.

Потрясенный случившимся, лишенный института, своих учеников и сотрудников, Петр Леонидович заболел. Он безвыездно живет у себя на даче, на Николиной Горе.

Как и осенью 1934 года, ученый снова подумывает о том, не переключиться ли ему на биофизику. Он обращается к Владимиру Александровичу Энгельгардту, и тот снабжает его литературой. Но вскоре Петр Леонидович «напал на один очень интересный вопрос в области гидродинамики», — как он напишет Энгельгардту в декабре 1949 года, и физику поэтому не оставит.

У себя на даче, в сторожке, ученый оборудует небольшую домашнюю лабораторию и снова с головой уходит в любимую работу. Ему помогают сыновья... Петр Леонидович ведет исследования в новой для себя области — рассчитывает и создает первые экспериментальные образцы мощных генераторов СВЧ колебаний непрерывного действия, ниотронов, как он назовет их позже — потому что они были созданы на Николиной Горе...

Много лет спустя, когда опальные годы остались позади, один из молодых сотрудников Капицы спросил его однажды: «Петр Леонидо-

вич, а что вы чувствовали тогда на Николиной Горе, когда вас лишили института?»

Капица взглянул на него внимательно и сказал: «Страшно было...»

И хотя ученому и было страшно, на поклон к Власти он не шел. А когда в декабре 1949 года вся страна отмечала 70-летие со дня рождения Сталина, Капица «блистательно» отсутствовал на торжественных заседаниях в Академии наук и на физико-техническом факультете МГУ, где он с 1947 года читал курс общей физики и заведовал кафедрой. Наказание последовало немедленно — Капица был освобожден даже от этой работы «за отсутствием педагогической нагрузки».

Петр Леонидович мучительно переживает разгром своих кислородных работ. Весь мир переходит на производство мощных кислородных установок, в которых используется изобретенный Капицей турбодетандер. Лишь наша страна строит устаревшие поршневые машины высокого давления. И ученый не может понять, почему бы нашей стране не заработать хотя бы немного валюты, продавая американцам, англичанам и французам лицензии на запатентованный в этих странах турбодетандер. Он пишет об этом Сталину и Микояну. Но ответов нет.

Опальный академик думает об интересах страны, а Власть этой страны озабочена лишь тем, как бы свою власть укрепить, сделать еще более тотальной и безраздельной...

5 марта 1953 года скончался Сталин, а 10 июля того же года газеты сообщили об аресте Берии. И тогда Капица пишет большое письмо Председателю Совмина Г. М. Маленкову...

Опала с ученого снимается. Постановлением президиума АН СССР от 28 августа 1953 года «Изда физических проблем» на Николиной Горе получает официальный статус — она становится Физической лабораторией АН СССР. П. Л. Капица назначается ее заведующим, а его верный и любимый помощник Сергей Иванович Филимонов — заместителем заведующего... Проходит еще полтора года, и в январе 1955-го П. Л. Капица снова становится директором созданного им института.

Обстановка в стране меняется, наступила «оттепель», и Петр Леонидович энергично включается в общественную жизнь Академии наук, он снова чувствует себя хозяином страны, ответственным за ее благополучие. В больших, хорошо аргументированных письмах Н. С. Хрущеву он делится своими раздумьями о путях развития науки в СССР. В конце 1955 года выступает в защиту генетики, подписывает знаменитое «Письмо трехсот» против лысенковщины...

Он пишет А. Н. Косыгину, Л. И. Брежневу, Ю. В. Андропову... До последних своих дней отстаивает достоинство советского ученого, выступает в защиту тех из них, кто подвергался преследованиям.

Помню, как встревожен он был, когда узнал, что Жореса Медведева, которого он хорошо знал, упрятали в психиатрическую больницу. Он при мне звонил по «вертушке» одному очень ответственному работнику

ЦК КПСС и говорил, что надо что-то немедленно предпринять, иначе страна наша предстанет перед всем миром в очень неприглядном виде.

Петр Леонидович тяжело переживал травлю А. Д. Сахарова. Он отказался подписать письмо, в котором большая группа ученых «клея-мила позором» Андрея Дмитриевича. Президент Академии наук М. В. Келдыш полтора часа уговаривал его подписать это письмо, а Капица пожимал плечами и говорил: «Зачем писать такие письма? Давайте позovem Сахарова на заседание президиума и поговорим с ним...» И он вновь и вновь повторял это свое простое и такое разумное предложение, но Келдышу нужна была его подпись и он вновь и вновь просил его «не упрямиться».

В ноябре 1980 года П. Л. Капица обращается к председателю КГБ Ю. В. Андропову с письмом в защиту А. Д. Сахарова и Ю. Ф. Орлова. Он призывает в этом письме «дать задний ход» и отказаться от «силовых приемов».

А год спустя, когда А. Д. Сахаров объявил в Горьком голодовку из-за отказа властей дать разрешение на выезд за границу к мужу Е. Алексеевой, близкого к его семье человека, и состояние его здоровья было критическим, П. Л. Капица пишет Брежневу. (В некоторых публикациях говорят ошибочно о телеграмме.)

Я отвез это письмо в экспедицию ЦК. Когда я вернулся в институт со Старой площади, Петр Леонидович попросил меня позвонить в приемную Брежнева, чтобы удостовериться, что письмо к нему попало. Счет тогда шел не на дни, а на часы...

Вернемся, однако, в тот далекий декабрь 1935 года, когда на Воробьевых горах завершалось строительство лабораторного корпуса Института физических проблем, а в Кембридже упаковывались в ящики для отправки в Москву уникальные установки, созданные Капицей за годы его работы в Англии...

Павел Рубинин

Письма «наверх»

1. И. В. Сталину*

1 декабря 1935, Москва

Товарищ Сталин!

Мне передали, что вчера Сенатом Кембриджского университета окончательно утверждена передача моей лаборатории Союзу, и отправка оборудования начнется в ближайшие дни. Теперь, когда мне предстоит продолжать мою научную работу в своей стране, мне очень хочется, чтобы моя работа здесь была наиболее производительной и не менее успешной, чем она была в Кембридже. Я Вам пишу это письмо, так как искренне боюсь, что при создавшихся условиях этого быть не может, и я уверен, что кроме Вас никто не может повлиять на создавшееся положение.

Когда более года тому назад меня неожиданно задержали и резко прервали в очень интересном месте мою научную работу, мне было очень тяжело, потом стали обращаться со мной очень скверно, и эти месяцы в Союзе были самыми тяжелыми в моей жизни. Если я вижу смысл в перенесении моей работы сюда, то я до сих пор не могу понять, для чего нужно было так жестоко обращаться со мной.

Вот что происходило с самого начала. Меня, по-видимому, заподозрили в чем-то нехорошем, никогда мне говорили — в чем, но отношение было самое недоброжелательное и недоверчивое. Что бы я ни говорил, все переиначивали; на мои просьбы поставить меня в известность, в чем меня обвиняют, только одно было выдвинуто: что мой ассистент Лаурман — бывший белогвардеец, что, я с легкостью показал, была нелепая ложь. (Э. Я. Лаурман (1890—1954) работал с П. Л. Капицей в Петроградском политехническом институте в 1917—21 гг., затем репатрировался в Эстонию, откуда был родом, а с 1922 г. был ассистентом Капицы в Кавендишской и Мондовской лабораториях. — П. Р.) Потом говорили, что моя работа имеет военное значение; в чем это заключалось, объяснить не могли. Тогда стали говорить, что ей пользовались для военных целей без моего ведома. Но это нелепо, так как я все свои опыты всегда подробно печатал, и ими могли пользоваться все одинаково успешно в какой стране бы ни захотели. Потом обвинили, что я не хочу работать для Союза, что тоже неправда, так как я никому никогда не отказывал в консультациях и их всегда давал, но чтобы продолжать мою кембриджскую работу, мне было необходимо получить мои аппараты. Я подробно объяснял, почему они мне нужны, и также, почему я не могу их воссоздать заново, не имея чертежей, помощников и пр. Мне спер-

* Публикуется впервые.

ва обещали купить мое оборудование, но я сразу убедился, что это неискренне, так как, когда я попросил, чтобы мне дали полномочия вести разговоры с Резерфордом, то мне отказали, а мне было ясно, что, кроме меня, никто бы не смог получить оборудование. На меня всевозможными путями давили, чтобы я заново восстанавливал работу здесь, запугивали, упрекали в отсутствии патриотизма, пытались купить и пр. и пр. Наконец требовали, чтобы я написал явную ложь, что я добровольно остался. Нелепая просьба, так как всякий, кто меня знает, все равно не поверил бы, что я мог бросить без предупреждения работу, лабораторию и учеников. Тоже пугали, наказывали и пр.

Все это время, часто совсем явно, за мной ходят агенты, даже раз послали обнюхивать меня собаку, видно боялись, что я сбегу. <...>

Я, конечно, все время, как умел боролся и защищался, добиваясь моей лаборатории, и, когда, наконец, после 11 месяцев мне дали полномочия вести переговоры, все было устроено. Насколько все было бы проще, если бы это сделали сразу.

Все это, конечно, глубоко меня обижало, так как мне казалось, что ко мне должны были относиться совсем иначе. Ведь я же оставался в продолжении 13 лет неизменно верным гражданином СССР, хотя и занимал в Англии одно из самых видных ученых положений и мог, как мне часто говорили, натурализоваться и выиграть еще больше. Я никогда не скрывал, что я полностью сочувствую социалистическому строю Союза, о чем даже отмечалось Резерфордом и другими, когда они писали в газетах. За 13 лет (жизни) за границей я 5 раз ездил в Союз, читал тут лекции, давал советы и помогал связи наших ученых с заграничными и пр.

После всего этого надо было бы меня признать либо очень большим обманщиком, или искренним другом Союза. Промежуточного решения не может быть. В первом случае со мной вообще лучше было бы не иметь решительно никакого дела, а во втором случае то отношение, которое было проявлено ко мне, очень скверно (просто свинство).

Я бы никогда не стал бы ставить перед Вами этот личный вопрос, если я просто был бы советский гражданин Петр Капица, так как, конечно, нелепо говорить о личных обидах — уж очень они ничтожно малы перед тем колоссальным делом, руководство которым должно поглощать все Ваше время и силы. Если я это делаю, то только потому, что мне предстоит работать как ученому и руководить научным учреждением. Смогу ли я выполнять так хорошо, как бы мне хотелось, свою работу в создавшейся обстановке? Секрета в том, что происходило со мной, нету. Товарищи ученые и знакомые относятся ко мне с опаской и сторонятся. А мои ученики — будут ли они меня уважать? <...>

В создавшихся условиях мне только и остается, что замкнуться в своей научной работе, как можно больше отстраниться от всего остального. Но и тут эта обстановка недоверия будет отравлять мою ра-

боту. Научная работа, по существу, всегда есть искание чего-нибудь нового в природе, того, что еще никто не знает и о чем можно только приблизительно догадываться чутьем. Поэтому исход всякого нового опыта нельзя предвидеть, и обычно из 10 отдельных опытных исследований в лучшем случае удастся одно. В работе нередко бывают полосы, когда в продолжение года или двух сплошные неудачи, делаешь только глупости и ошибки. Тогда начинаешь терять веру в себя, и надо большие усилия, чтобы не потерять настойчивости и энтузиазма. Успех потом заставляет забыть обо всем. Но вот в тяжелые полосы поддержка товарищей очень помогает. В Кембридже сам Резерфорд удивительно чутко и хорошо относился ко мне в такие времена <...> За это я ему так много обязан и так (его) полюбил.

Здесь, благодаря создавшимся условиям, я не только не чувствую того доброжелательства, к которому привык, но чувствую себя совсем одиноким. От нашей ученой среды поддержки не получишь, она, кроме того, еще без воли и энтузиазма.

Но для меня нет никакого сомнения, что у нас в Союзе, в стране социалистического строя, науке, как прикладной, так и теоретической, предстоит быть впереди и вести за собой всю растущую культуру страны. <...>

* * *

Второй вопрос, который меня очень волнует,— это организация моей научной работы.

Научная работа есть, конечно, наиболее квалифицированный труд и поэтому требует очень хорошую и дорогую хозяйственную основу. Это в особенности справедливо для такой сугубо опытной науки, как моя физика. Темпы работы должны быть исключительно высоки для успешного ведения научных изысканий. Надо без перебоев продельвать много различных опытов перед тем, чтобы докопаться до чего-нибудь значащего. Только тогда, когда исследования идут без задержки, можно работать с увлечением, весело, смело и, следовательно, успешно. Но я без оговорок должен сказать, что наше «научное хозяйство» из рук вон плохое, в сто раз хуже, чем его можно было бы организовать на почве нашей промышленности и при наших материальных возможностях. <...>

Весь мой опыт работы за границей говорит, что наша наука (конечно, опытная) не разовьется и не станет на уровень с европейской, если у нас будет такая хозяйственная база, какая она у нас сейчас. Вопрос настолько важный, что я решил об нем написать Вам.

В заключение хочу сказать, что бы там ни было, как бы тяжело мне тут ни было, как бы со мною ни обращались, но я работать буду всюю. Так же буду добиваться того, чтобы моя работа была успешна, буду за

это бороться до конца. Сейчас все кругом меня пасмурно. Чего я только боюсь, что не хватит у меня сил, так как они будут уходить на разные передраги и мелочи, а для работы ничего не останется.

П. Капица

2. И. В. Сталину

12 февраля 1937, Ленинград

Товарищ Сталин!

Вчера в Ленинграде я узнал об аресте профессора В. А. Фока. Он член-корреспондент Академии наук, на Западе, как и у нас, его считают исключительно крупным ученым, одна из его работ по волновой электродинамике уже считается классической. По-моему, он самый выдающийся из всех физиков-теоретиков у нас в Союзе, несмотря на свой молодой возраст. Арест Фока на меня произвел самое угнетающее впечатление. Я себе не могу представить, что он мог сделать крупное преступление. Фок почти совсем глух, с ним даже разговаривать совсем трудно. Он всецело поглощен своей работой и производит впечатление человека, совсем оторванного от жизни.

У нас, увы, правда, несколько лет тому назад были случаи арестов ученых, правда, на несколько месяцев, потом выяснялось, что это было сделано зря. Если это будет в случае с Фоком, это будет исключительно печально, так как:

1 — Это еще больше увеличит ту брешь между учеными и страной, которая, к сожалению, существует и которую так бы хотелось видеть уничтоженной.

2 — Арест Фока есть акт грубого обращения с ученым, который, так же, как и грубое обращение с машиной, портит (его) качество. Портить же работоспособность Фока — это наносить ущерб всей мировой науке.

3 — Такое обращение с Фоком вызывает как у наших, так и у западных ученых внутреннюю реакцию, подобную, например, (реакции) на изгнание Эйнштейна из Германии.

4 — Таких ученых, как Фок, у нас немного, и им Союзная наука может гордиться перед мировой наукой, но это затрудняется, когда его сажают в кутузку.

Мне кажется, что никто, кроме другого ученого, Вам обо всем этом не может сказать, поэтому я и написал это письмо.

П. Капица

3. И. В. Сталину

28 апреля 1938, Москва

Товарищ Сталин!

Сегодня утром арестовали научного сотрудника Института Л. Д. Ландау. Несмотря на свои 29 лет, он вместе с Фоком — самые крупные физики-теоретики у нас в Союзе. Его работы по магнетизму и по квантовой теории часто цитируются как в нашей, так и в заграничной научной литературе. Только в прошлом году он опубликовал одну замечательную работу, где первый указал на новый источник энергии звездного лучеиспускания. Этой работой дается возможное решение: «Почему энергия солнца и звезд не уменьшается заметно со временем и до сих пор не истощилась». Большое будущее этих идей Ландау признают Бор и другие ведущие ученые.

Нет сомнения, что утрата Ландау как ученого для нашего института, как и для советской, так и для мировой науки не пройдет незаметно и будет сильно чувствоваться. Конечно, ученость и талантливость, как бы велики они ни были, не дают право человеку нарушать законы своей страны, и, если Ландау виноват, он должен ответить. Но я очень прошу Вас, ввиду его исключительной талантливости, дать соответствующие указания, чтобы к его делу отнеслись очень внимательно. Также, мне кажется, следует учесть характер Ландау, который, попросту говоря, скверный. Он задира и забивка, любит искать у других ошибки и, когда находит их, в особенности у важных старцев, вроде наших академиков, то начинает непочтительно дразнить. Этим он нажил много врагов.

У нас в институте с ним было нелегко, хотя он поддавался уговорам и становился лучше. Я прощал ему его выходки ввиду его исключительной даровитости. Но при всех своих недостатках в характере мне очень трудно поверить, что Ландау был способен на что-либо нечестное.

Ландау молод, ему представляется еще многое сделать в науке. Никто, как другой ученый, обо всем этом написать не может, поэтому я и пишу Вам.

П. Капица

4. В. М. Молотову

6 апреля 1939, Москва

Товарищ Молотов!

За последнее время, работая над жидким гелием вблизи абсолютно-го нуля, мне удалось найти ряд новых явлений, которые, возможно, прояснят одну из наиболее загадочных областей современной физики. В ближайшие месяцы я думаю опубликовать часть этих работ. Но для этого мне нужна помощь теоретика. У нас в Союзе той областью тео-

рии, которая мне нужна, владел в полном совершенстве Ландау, но беда в том, что он уже год как арестован.

Я все надеялся, что его отпустят, так как я должен прямо сказать, что не могу поверить, что Ландау государственный преступник. Я не верю этому потому, что такой блестящий и талантливый молодой ученый, как Ландау, который, несмотря на свои 30 лет, завоевал европейское имя, к тому же человек очень честолюбивый, настолько полный своими научными победами, что у него не могло быть свободной энергии, стимулов и времени для другого рода деятельности. Правда, у Ландау очень резкий язык и, злоупотребляя им, при своем уме он нажил много врагов, которые всегда рады ему сделать неприятность. Но, при весьма его плохом характере, с которым и мне приходилось считаться, я никогда не замечал за ним каких-либо нечестных поступков.

Конечно, говоря все это, я вмешиваюсь не в свое дело, так как это область компетенции НКВД. Но все же я думаю, что я должен отметить следующее как ненормальное:

1. Ландау год как сидит, а следствие еще не закончено, срок для следствия ненормально длинный.

2. Мне, как директору учреждения, где он работает, ничего не известно, в чем его обвиняют.

3. Главное, вот уже год по неизвестной причине наука, как советская, так и мировая, лишена головы Ландау.

4. Ландау дохлого здоровья, и если его зря заморят, то это будет очень стыдно для нас, советских людей.

Поэтому обращаюсь к Вам с просьбами:

1. Нельзя ли обратить особое внимание НКВД на ускорение дела Ландау.

2. Если это нельзя, то, может быть, можно использовать голову Ландау для научной работы, пока он сидит в Бутырьках. Говорят, с инженерами так поступают.

П. Капица

5. Л. П. Берии

Народному комиссару внутренних
дел СССР
тов. Л. П. Берия

26 апреля 1939, Москва

Прошу освободить из-под стражи арестованного профессора физики Льва Давидовича Ландау под мое личное поручительство.

Ручаюсь перед НКВД в том, что Ландау не будет вести какой-либо контрреволюционной деятельности против советской власти в моем институте, и я приму все зависящие от меня меры к тому, чтобы он и вне

института никакой контрреволюционной работы не вел. В случае, если я замечу со стороны Ландау какие-либо высказывания, направленные во вред советской власти, то немедленно сообщу об этом органам НКВД.

П. Капица

6. В. М. Молотову

29 декабря 1939, Москва

Товарищ Молотов!

Простите, что беспокою Вас, но не знаю, кому написать. На днях был у академика Баха, Алексея Николаевича. После его болезни, летом, сердце у него плохое (периодически камфора). Несмотря на его 82 года, домашние его от работы удержать не могут.

Сейчас он живет на 4-м этаже, без лифта. Он мне говорил, что писал о квартире в Моссовет и Президиум Академии наук и пр. Все обещают, но вот 6 месяцев никто реально ничего не делал.

У меня все внутри переворачивается, когда видишь такое свинское отношение к такому замечательному человеку, как Алексей Николаевич.

Поэтому я решил написать об этом Вам. Конечно, Бах об этом ничего не будет знать.

Ваш П. Капица

7. В. М. Молотову

Зам. Председателя Государственного
Комитета Обороны

6 апреля 1943, Москва

Многоуважаемый Вячеслав Михайлович!

Четыре года тому назад мы осуществили установку жидкого воздуха на новом принципе. Несмотря на несколько постановлений СНК, до сих пор построено и работает только несколько таких установок. Два года тому назад мы осуществили кислородную установку, которая может быть передвижной, но несмотря на постановления Экономсовета, ни одна из них не внедрена. Теперь мы осуществили установку для жидкого кислорода, по масштабам равную самым крупным заводским установкам, но есть ли шансы, что она будет внедрена? Согласитесь сами, что от такого отношения руки опускаются. <...>

Все это время я был погонщиком мулов, а в руке у меня не было не только палки, но даже хворостинки. Поэтому, полагаю, что в той или иной форме мне нужно дать официальную власть, чтобы я сам мог руководить вопросами внедрения в производство. И тогда, несмотря на то,

что мне на это время придется сократить мою научную работу, у меня будет взамен удовлетворение видеть наши установки внедренными.

Кроме того, надо искать новые принципы организации внедрения <...>

Ваш П. Л. Капица

8. И. В. Сталину

20 января 1945, Москва

Товарищ Сталин!

Еще три этапа кислородной проблемы пройдены и должны начать новые.

Первый этап: построена и начала снабжать московские заводы Балашиха. В ближайшее время ее будут принимать. Пройдет, конечно, некоторое время на освоение этой установки, к тому же, ее продукцию не так легко будет поглотить. Она дает в два-три раза больше кислорода, чем давали все заводы Москвы. Как первый образец, Балашихинская установка неплоха, но ее надлежит еще совершенствовать. Уже сейчас Балашиха дает 40 тонн жидкого кислорода в сутки (за это время она могла бы наполнить жидким кислородом 8—10 ракетных снарядов Фау-2). Это, примерно, 1/6 производства кислорода в Союзе. Сейчас у нас работает около 400 установок. <...>

Мне, конечно, приятно похвастаться, но главное в том, что Балашихой доказано, что турбинным методом можно осуществлять установки производительностью, недоступной прежним методам. Основное преимущество и значение турбинного метода — это постройка таких мощных единиц: компактно, просто, дешево. Без этого решать кислородную проблему нельзя. В этом решающее значение пуска Балашихи.

Кроме того, Балашиха показала, что эта задача под силу нашей технике. Ведь чтобы ее построить, нужно было создать кадры, завод № 28, конструкторское бюро и пр. То, что мы это сумели сделать за год с небольшим и во время войны, показывает силу нашего организма и то, что если мы захотим, то кислородная проблема будет нам по зубам. <...>

..Академик Бардин с группой инженеров закончил проект металлургического завода на кислородном дутье. Этот проект подвергнется обсуждению нашими ведущими металлургами на будущей неделе в главке. Выдержку из проекта прилагаю. Опытная домна, которая пускалась на Чернореченском заводе, и (домна) в Днепропетровске (ДЗМО) дали Бардину достаточно данных, чтобы спроектировать кислородно-металлургический комбинат на Косогорке (Тула). Если Вы познакомитесь с брошюрой, то увидите: рабочих на заводе более чем в два

раза меньше. Чугун будет стоить на 15% дешевле. Косогорка будет стоить 100 миллионов рублей. Надо ее быстро строить. Во время войны это не легко.

Таким образом, кислородная проблема разрастается. <...> Я посеял ветер, но пожать бурю мне не по плечу.

Поэтому я глубоко оценю, если Вы нашли бы возможность поговорить об этом со мной.

Ваш П. Капица

9. И. В. Сталину

14 марта 1945, Москва

Товарищ Сталин!

Два месяца тому назад, 20 января, я написал Вам, что сейчас благополучно пройдены определенные этапы кислородной проблемы и надлежит начать новые. Для развития этих больших проблем нужны новые организационные формы. Я просил Вас поговорить об этом со мной.

Но никакого ответа я не получил. Я не знаю, что в таком случае надо делать? Ведь на Вас-то никому не пожалуешься! А поскольку я взялся за кислородное дело, то молчать я тоже не имею права.

Кислородной интенсификацией предстоит преобразить общий облик промышленности — ведь с той же затратой рабочей силы будет получаться раза в два больше металла и химпродуктов, в этом трудно сомневаться. Но у меня другие сомнения. Для осуществления таких крупных проблем мы еще не доросли, или, может быть, такие вещи вообще делают постепенно, десятилетиями, и историю насиловать нельзя, как бы тебе этого ни хотелось.

Для решения таких проблем надо, чтобы все, от мала до велика, чувствовали ярко необходимость искания и значение новых путей в технике. А ведь пока этого у нас нет. Вот прошло 27 лет после революции, мы много построили, много освоили, а как мало своего крупного мы внесли в технику! Лично я могу назвать только одно крупное наше достижение — это синтетический каучук. Это достижение действительно мирового масштаба, тут мы были вначале впереди, но, к сожалению, сегодня нас уже обогнали и Америка, и Германия. Но как мало мы сами чувствовали и чувствуем значение этого крупнейшего достижения! Академик Лебедев, пионер и создатель, должен был бы быть национальным героем, а он после поездки в жестком вагоне схватил сыпной тиф и умер в 1934 г. Это позорнейший для нас случай. Нужно тут прямо сказать, что в капиталистической стране, если Лебедев погиб бы, то, вероятно, в своем салон-вагоне и при крушении своего поезда. Это не случайность, это показывает только то, что мы не чувствуем еще необходимости в людях, делающих новую технику. Их история у нас всегда одна — это Левша Лескова. Отчасти, может быть, это просто потому,

что гения народного у нас уйма, поэтому мы так по-хамски с ним обращаемся.

За эти 27 лет капиталистические страны дали, по моему подсчету, около двадцати фундаментально новых направлений развития техники, по силе равных нашему синтетическому каучуку. Я отношу к ним, например, синтетическое горючее, пластмассы (плексиглас и пр.), турбину внутреннего горения, телевидение, сверхтвердые сплавы (карбид вольфрама), ракетные самолеты и пр. А мы дали всего одно.

Так не должно продолжаться. Первым долгом тут виноваты мы, ученые, которые не сумели показать всю силу новой техники и бороться за здоровое направление ее развития. <...>

Я никогда Вас не беспокоил просьбой поговорить, зная, как Вы много работаете, но на этот раз я не сумел написать и точно сформулировать, что нужно для достижения этого. Поэтому я обратился к Вам.

Кислородная проблема все больше перерастает в государственную и политическую задачу и требует человека, имеющего соответствующий вес. Задача эта мне по плечу. Поэтому прошу Вас дать указание рассмотреть организационные формы кислородной проблемы и чтобы мне ответили.

Ваш П. Капица

10. И. В. Сталину

3 октября 1945, Москва

Товарищ Сталин!

Подписанное Вами постановление СНК от 29 сентября о Главкислороде разбиралось около полгода. За это время оно прошло семь комиссий и три заседания Бюро СНК. <...> За эти полгода так и не подыскали производственной базы и это отложили еще на два месяца. Трудно сомневаться, что такое отношение к кислородной проблеме явно доказывает, что для нас она еще не созрела. Нам надо еще подрасти культурно, и хотя бы руководящие товарищи, ответственные за утверждение этих решений, верили в эту проблему и понимали, что наш собственный прогресс может быть только во внедрении достижений нашей собственной науки, а не в том, чтобы копировать технику других стран.

В процессе выработки постановления о передаче Глававтогена НКТМ (Главкислороду) были большие трения с Суковым, который до сих пор тормозил развитие турбокислородного метода. Суков написал Вам, как секретарю ЦК, письмо, которое стало довольно широко известно, например, его цитировал тов. Берия на заседании Бюро СНК. Это письмо содержит ряд клеветнических обвинений личного характера по отношению ко мне. Меня очень удивляет, что ряд товарищей не видят

в этом ничего необычного, и тов. Берия настаивает, чтобы Суков был моим заместителем по Главку. Я же считаю, что Сукова надо привлечь к ответственности за клевету, о чем я написал в ЦК на имя тов. Маленкова. <...>

Изложенное ясно показывает, что товарища Берия мало заботит репутация наших ученых (твое, дескать, дело изобретать, исследовать, а за чем тебе репутация). Теперь, столкнувшись с тов. Берия по Особому Комитету, я особенно ясно почувствовал недопустимость его отношения к ученым.

Когда он меня привлекал к работе, он просто приказал своему секретарю вызвать меня к себе. (Когда Витте, министр финансов, привлекал Менделеева к работе в Палате Мер и Весов, он сам приехал к Дмитрию Ивановичу). 28 сентября я был у тов. Берия в кабинете, когда он решил, что пора кончать разговор, он сунул мне руку, говоря: «Ну, до свидания». Ведь это не только мелочи, а знаки внешних проявлений уважения к человеку, к ученому. Внешними проявлениями мы передаем друг другу мысли.

Тут сразу возникает вопрос: определяется ли положение гражданина в стране только его политическим весом? Ведь было время, когда рядом с императором стоял патриарх, тогда церковь была носителем культуры. Церковь отживает, патриархи вышли в тираж, но в стране без идейных руководителей не обойтись. Даже в области общественных наук, как ни велики идеи Маркса, все же они должны развиваться и расти.

Двигать вперед нашу технику, экономику, государственный строй может только наука и ученые. <...> Рано или поздно у нас придется поднять ученых до «патриарших» чинов. Это будет нужно, так как без этого не заставишь ученых всегда служить стране с энтузиазмом. Ведь покупать у нас таких людей нечем. Это капиталистическая Америка может, а мы нет. Без этого патриаршего положения ученого страна самостоятельно культурно расти не может, это еще Бэкон заметил в своей «Новой Атлантиде». Поэтому уже пора товарищам типа тов. Берия начинать учиться уважению к ученым.

Все это заставляет меня ясно почувствовать, что пока еще не настало время в нашей стране для тесного и плодотворного сотрудничества политических сил с учеными. Кислородная проблема на сегодня у нас — это утопия.

Я уверен, что пока я больше пользы принесу как своей стране, так и людям, если отдам все свои силы непосредственно научной работе, ею я и решил всецело заняться. Ведь эту работу я люблю, и за нее я заслужил уважение у людей.

Поэтому прошу Вас, чтобы Вы дали согласие на мое освобождение от всех назначений по СНК, кроме моей работы в Академии наук.

Одним словом: быть одним из «патриархов», видно, еще рано, так лучше пока что в монахах посидеть.

В Главкислороде тов. Гамов (заместитель П. Л. Капицы.— П. Р.) с успехом будет выполнять мои функции, а в Особом комитете тов. Берия будет спокойнее. Конечно, как и до сих пор, своими научными знаниями я всегда буду стараться помогать своей стране.

Ваш П. Капица

11. И. В. Сталину

25 ноября 1945, Москва

Товарищ Сталин!

Почти четыре месяца я заседаю и активно принимаю участие в работе Особого Комитета и Технического совета по атомной бомбе (А. Б.).

В этом письме я решил подробно Вам изложить мои соображения об организации этой работы у нас и также просить Вас еще раз освободить меня от участия в ней.

В организации работы по А. Б., мне кажется, есть много ненормального. Во всяком случае, то, что делается сейчас, не есть кратчайший и наиболее дешевый путь к ее созданию. <...>

Правильная организация всех этих вопросов возможна только при одном условии, которого нет, но, не создав его, мы не решим проблемы А. Б. быстро и вообще самостоятельно, может быть, совсем не решим. Это условие — необходимо больше доверия между учеными и государственными деятелями. Это у нас старая история, пережитки революции. Война в значительной мере сгладила эту ненормальность, и если она осталась сейчас, то только потому, что недостаточно воспитывается чувство уважения к ученому и науке. <...>

Моя турбокислородная установка, это принципиально новое начинание, только тогда пошла, когда я, (что) совсем не естественно для ученого, стал начальником главка. Только этим назначением мне было дано доверие и влияние, которое и позволило мне быстро осуществить кислородную установку. Это, конечно, ненормальность и нелепость. Меня сильно тяготила власть, и я примирился с новым положением только потому, что была война и пришлось делать все, что только можно, чтобы добиться успеха.

Жизнь показала, что заставить себя слушаться я мог только как Капица-начальник главка при СНК, а не как Капица-ученый с мировым именем. Наше культурное воспитание еще недостаточно, чтобы поставить Капицу-ученого выше Капицы-начальника. <...> Так происходит и теперь при решениях проблем А. Б. Мнения ученых часто принимаются со скептицизмом и за спиной делают по-своему. <...>

Особый Комитет должен научить товарищей верить ученым, а ученых, в свою очередь, это заставит больше чувствовать свою ответствен-

ность, но этого пока еще нет. Это можно только сделать, если возложить ответственность на ученых и товарищей из Особого Комитета в одинаковой мере. А это возможно только тогда, когда <...> наука и ученый будут всеми приниматься как основная сила, а не подсобная, как это теперь.

Товарищи Берия, Маленков, Вознесенский ведут себя в Особом Комитете как сверхчеловеки. В особенности тов. Берия. Правда, у него дирижерская палочка в руках. Это неплохо, но вслед за ним первую скрипку все же должен играть ученый. Ведь скрипка дает тон всему оркестру. У тов. Берия основная слабость в том, что дирижер должен не только махать палочкой, но и понимать партитуру. С этим у Берия слабо. ...Я ему прямо говорю: «Вы не понимаете физику, дайте нам, ученым, судить об этих вопросах», на что он мне возражает, что я ничего в людях не понимаю. Вообще наши диалоги не особенно любезны. Я ему предлагал учить его физике, приезжать ко мне в институт. Ведь, например, не надо самому быть художником, чтобы понимать толк в картинах.

Наши гениальные купцы-меценаты Третьяковы, Щукин и пр., ведь они прекрасно разбирались в картинах и видели больших художников раньше других; они не были художниками, но изучали искусство. <...>

У меня с Берия совсем ничего не получается. Его отношение к ученым, как я уже писал, мне совсем не по нутру. Например, он хотел меня видеть, за эти две недели он назначал мне прием 9 раз — и день и час, но разговор так и не состоялся, так как он его все отменял, по-видимому, он это делал, чтобы меня как-то дразнить, не могу же я предположить, что он так не умеет располагать своим временем, что на протяжении двух недель не мог сообразить, когда у него есть свободное время. <...>

Стоит только послушать рассуждения о науке некоторых товарищей на заседаниях Техсовета. Их приходится часто слушать из вежливости и сдерживать улыбку, так они бывают наивны. (Они) воображают, что познав, что дважды два четыре, они уже постигли все глубины математики и могут делать авторитетные суждения. Это и есть первопричина того неуважения к науке, которое надо искоренить и которое мешает работать.

При создавшихся условиях работы я никакой пользы от своего присутствия в Особом Комитете и в Техническом совете не вижу. Товарищи Алиханов, Иоффе, Курчатов так же и даже более компетентны, чем я, и меня прекрасно заменят по всем вопросам, связанным с А. Б.

Поэтому мое дальнейшее пребывание в Особом Комитете и Техсовете, Вы сами видите, ни к чему и меня только сильно угнетает, а это мешает моей научной работе. Поскольку я участник этого дела, я, естественно, чувствую ответственность за него, но повернуть его на свой лад мне не под силу. Да это и невозможно, так как тов. Берия, как и большинство товарищей, с моими возражениями не согласен. Быть

слепым исполнителем я не могу, так как я уже вырос из этого положения.

С тов. Берия у меня отношения все хуже и хуже, и он, несомненно, будет доволен моим уходом. Дружное согласие (без генеральского духа) для этой творческой работы необходимо и только возможно на равных началах. Его нет. Работать с такими настроениями все равно я не умею. Я ведь с самого начала просил, чтобы меня не привлекали к этому делу, так как заранее предполагал, во что оно у нас выродится.

Поэтому прошу Вас еще раз, и очень настоятельно, освободить меня от участия в Особом Комитете и Техническом совете. Я рассчитываю на Ваше согласие, так как знаю, что насилие над желанием ученого не согласуется с Вашими установками.

Ваш П. Капица

Р. С. У нас в институте пошла турбокислородная установка на газ. Ее уже несколько раз пускали, она уже дает 85% расчетного количества. <...>

Таким образом, все мои векселя стране и правительству по кислороду уплачиваются сполна, и я все больше и больше буду настаивать, чтобы меня освободили от Главкислорода и дали возможность всецело вернуться к моей научной работе.

Р. Р. С. Мне хотелось бы, чтобы тов. Берия познакомился с этим письмом, ведь это не донос, а полезная критика. Я бы сам ему бы все это сказал, да увидеться с ним очень хлопотно.

П. К.

12. И. В. Сталину

19 мая 1946, Москва

Товарищ Сталин!

Назначенная Вами 13 апреля комиссия, по существу, закончила свою работу по обследованию моего кислородного метода. Отзыв экспертов был благоприятный. Комиссия его приняла. Пристрастность заключения в мою пользу предположить трудно, так как в подборе членов комиссии я не участвовал, эксперты подобраны были не мной и работали они не у меня. Я думал, что этим вопрос уже исчерпан.

Но совсем неожиданным для меня Вашим новым постановлением от 14 мая расширяются задачи комиссии и включаются в нее профессора Герш, Гельперин и Усюкин, т. е. в комиссии специалисты по кислороду представлены только людьми явно враждебными направлению моей работы. Эти трое обиженные мною <...>, так как я не хотел их привлечь

к нашей работе. Делал я это потому, что считаю их не только не сделавшими ничего значительного, а, наоборот, беспринципными и вредными людьми, любящими ловить рыбу в мутной воде. Мои попытки вызвать их на открытую дискуссию в Техническом совете Главкислорода не были успешными, они либо молчали, либо не приходили, ведь их научный багаж очень ограничен. Их основной метод действия — за спиной писать письма членам правительства, используя в основном те колебания и сомнения, которых при новизне вопроса всегда много. <...>

Привлечение этих людей как судей моей деятельности нельзя рассматривать как объективное, это просто оскорбительно для меня. Так можно было поступить только тогда, когда хотелось бы затруднить и погубить мои работы и подорвать мой авторитет.

Я всегда сочувствовал общественному контролю, и все правительственные комиссии, включая и эту (а их уже было три), были назначены по моей просьбе. Но до сих пор спрашивали мое мнение о вопросах для обсуждения и составе комиссий. Теперь этого не было сделано и **на заседание новой комиссии меня даже не позвали**. Даже преступнику дают право отвести присяжных, и он имеет право присутствовать на суде. Ведь это явно враждебное отношение. Чем я заслужил его? <...>

П. Капица

13. И. В. Сталину

19 мая 1946, Москва

Лично

Товарищ Сталин!

Поскольку Вы поставили вопрос о необходимости иметь у нас свою передовую науку и технику, я хочу Вам написать, как проходила моя научная работа, что ей мешало и помогало, и почему она пришла к такой концовке; может быть, Вам это будет интересно.

Ученый-новатор, чем он крупнее, тем дальше он видит такие перспективы и пути к ним, в которые другие даже не верят. Ведь если бы другие так же видели и верили, то они сами бы шли этими путями. Поэтому, не будучи прозорливым специалистом, часто трудно бывает различить бесплодного фантазера, ловкого шарлатана и настоящего ученого. Основная трудность задачи поддержки самого нового в науке и технике для государственного деятеля — это умение различать и оценивать эти три типа людей, не имея при этом необходимой возможности вникнуть в существо вопроса. Тут и делаются обычно ошибки и часто они бывают губительны.

Я думаю, что лучший план для решения этой задачи следующий. Начинающий новатор сперва поддерживается крупным ученым или ин-

женером, и тогда надо верить оценке учителя. Самостоятельного работника судят по тому, что он уже сделал раньше, и на этом основывают к нему доверие в его новых начинаниях. Поэтому всегда надо очень тщательно изучать завершённые достижения ученого, а не обещания, как бы заманчивы они ни были. Мой жизненный путь ученого показал, что так можно наиболее убедительно заслужить доверие и получить возможность творчески работать.

Начал я работать у Резерфорда, он был большой ученый и был гениально прозорлив. Я обязан ему тем, что он смело поддерживал мои начинания молодого ученого. Он видел возможности их осуществления, когда большинство сомневалось. Под его крылом я сделал сверхсильное магнитное поле, открыл в нем ряд явлений, нашел новый метод ожижения гелия и пр. По мере работы у него не только наша дружба крепла, но он все больше меня поддерживал и, наконец, построил для меня институт. Но главное, что я ценил, это (то), что я чувствовал в нем неизменную опору. Ведь когда начинаешь что-либо новое, ты сам полон сомнений, есть риск, затруднения, неудачи, глупости. Но то, что он верил в меня, давало мне смелость и силы.

Вот я в Союзе один. Но у меня уже есть имя, за счет этого имени, за счет прошлого я могу брать риск самостоятельно и имею возможность его осуществлять в институте. В области науки у нас в институте дела шли неплохо, открыта сверхтекучесть, и мною и моими учениками сделан ряд уже признанных работ. Но вот параллельно я решил заняться проблемой кислорода. Кислорода в большом масштабе. Эта проблема выходит из рамок института, ее осуществление значит переворот в ряде отраслей промышленности, и я думал, что для нашей страны это очень важно. Тут нужно было доверие и поддержка уже в больших масштабах.

Проблема имела две стороны, первая — поднять интерес к этой проблеме в металлургии, химии, газификации и других областях. Это было нетрудно, потенциальный интерес уже существовал, надо было только организовать и воодушевить людей.

Второе — нужда в дешевом кислороде, и притом в больших количествах. Это труднее. Я видел, что без нового направления в технике тут ничего настоящего не выйдет. И, как Вы знаете, я, по аналогии с энергетикой больших масштабов, пошел по турбинному методу.

В 1939 г. я опубликовал свои первые работы, где я давал общее идейное направление, там был описан осуществленный мною турбодетандер как основное средство для решения этой проблемы. Большинство не хотело верить реальности этой возможности. Я увидел, что один в поле не воин, что для решения этой задачи в больших масштабах нужно привлечь и объединить лучших ученых, обучить мастеров, растить молодежь. Поэтому я непрерывно стараюсь вовлечь в работу наших лучших людей.

Для этого я и просил назначать, по мере развития работ, правительственные комиссии экспертов. Я предполагал, что в комиссии, чтобы дать отзыв, они волей или неволей должны были понять до конца существо вопроса и убеждаться в том, что мое решение на правильном пути. Так оно и выходило.

Началось это с решения получения турбинным методом жидкого воздуха. Потом был получен жидкий кислород в обычных масштабах, потом в несколько раз больших, чем кто-либо другой мог достичь, и, наконец, турбинным методом — газообразный кислород. Путь в основном кончен. С каждым этапом ко мне приходило все больше и больше людей. Создан Главкислород, где собрались лучшие люди, работающие в этой области техники. <...> В ВУЗах и техникумах мы готовим молодежь, на нашем 28 заводе уже растут кадры рабочих и инженеров, умеющих строить и эксплуатировать эти машины.

Правда, у нас есть еще слабости, как у новорожденного, но для меня ясно, что уже проложен новый путь, но его надо еще вымостить, чтобы ездить с комфортом. Уже скоро придет то время, когда мне не страшно будет уйти и вернуться целиком в лабораторию, будут люди, продолжающие мою работу и мои идеи.

За границей наши идеи тоже начинают признаваться. Генеральная Электрическая Компания США предлагает нам вместе разрабатывать кислородные установки (они через Внешторг делали официальный запрос). Хочет сотрудничества Меллоновский институт в Питсбурге, они предлагают мне заняться переводом американской металлургии на кислород. Британская Кислородная Компания и другие концерны хотят купить наши патенты. Эти объективные факты показывают, что здесь мы явно опередили других, и этим я горд.

Но вот, когда казалось, что этот долгий путь пройден и есть чему порадоваться, получилось иначе. Герша, Гельперина, Усюкина, тех, которые непрерывно мне мешали, интриговали за спиной, лестили в глаза, их сейчас делают моими судьями.

Как этого они достигли? Может быть, они чувствуют, что надо сейчас идти «ва-банк», и пошли по дороге Яго? Получилась Шекспировская трагедия. А какова будет ее развязка? Это зависит от Вас.

За эти годы было много борьбы, преодолевания трудностей и работы. В критические моменты, как и сейчас, я Вам писал. Мне часто казалось, что я донкихотскую, и я не раз хотел бросить эту борьбу и полностью вернуться к науке. Но обычно я чувствовал поддержку Вашей сильной руки, и я дрался дальше. Конечно, Вы не могли, как Резерфорд, входить в детали технической стороны моих дерзаний, но мне казалось, что Вы так же, как он, верите мне, а это главное, что мне необходимо. Подчас мне даже казалось, что Вы понимаете трудности моей борьбы. Ведь кто, как не Вы, знаете, что такое борьба. Иногда наоборот, меня брали сомнения в надежности Вашей поддержки, ведь Вы никогда не хотели со мной поговорить. Но вот сейчас это Ваше постановление

и весь оборот дела вселяют в меня сомнения и очень меня огорчают. Ведь если у меня не будет Вашей поддержки, то мне лучше сразу уходить. По существу, сейчас уйти даже не зазорно, научная проблема закончена, а я очень устал и мне подчас очень тяжело драться. Ведь драться-то надо сейчас с подвохами людей.

Вот картина истории кислородной проблемы, и так оно обычно бывает. Правильно говорят, что нет ни одного доброго дела, которое остается безнаказанным. И меня хорошо наказало Ваше постановление от 14 мая.

Как бы плохо другие ни относились к достигнутому, но я все же чувствую радость и гордость, что сделал газообразный кислород турбинным методом, история не упрекнет меня, что я не довел эту задачу до конца.

П. Капица

14. И. В. Сталину *

18 декабря 1946, Николина Гора

Лично

Товарищ Сталин!

Лишив меня моего института, меня отстранили от полноценной научной работы, и я это тяжело переживаю.

Я хочу понять причину, почему ученого лишили возможности работать в стране, которая основывает свой рост на развитии науки? Это противоречие настолько явное, что оно не может быть объяснено чем-либо личным или случайным. Так как никто из руководящих товарищей до сих пор не указал мне, что они считают моей ошибкой, я хочу Вам написать, что я думаю по этому поводу.

Первый вопрос, который у меня возникает: сумел ли я правильно понять запросы нашей страны и времени?

Я считаю, что <...> направление научной работы ученого не может быть оторвано от жизни и определяется тем, что нужно стране.

Следующий вопрос: кто должен устанавливать эти наиболее нужные для страны направления научных работ?

Я считаю, что это должно решаться централизованно, государственным руководством, или, как у нас говорят, «партией и правительством» как органом, лучше всего понимающим запросы страны. Тут ученые являются только советниками, но в руках ученых должны находиться

* Публикуется впервые.

развитие и организация самого процесса научных работ. Вот основные положения, из которых я исхожу. <...>

Наши руководящие товарищи в своем правильном стремлении развивать советскую науку хотят ее взять под такой контроль и руководство, которые только мешают работать ученым. Я же считаю, что руководство, дав задание ученому, должно ему верить, организационно помогать и терпеливо ждать, когда у него выйдет его работа. Надо помнить, что передовая творческая работа всегда полна неудач. Руководить творческим процессом и делать его общественным достоянием для микроскопического контроля не только не помогает, но крайне вредно. Отсюда и вытекают встречающиеся у нас нелепости, как, например, с детальным планированием научной работы, ведущим почти к учету «мысль-часов» ученого. Это приводит к практике делать ненужный тарарам, укрывать неудачи, выдавать векселя и обещания, что в настоящей научной работе невозможно и является ложью, в здоровых условиях работы ученый не будет и не должен этого делать.

В конце концов это все ведет к процветанию лжеученых, образно выражаясь, ученых-знахарей, а не ученых-врачей. Так как нельзя каждому больному читать курс медицины, то ясно, что, не зная медицины, больной сам не может отличить знахаря от врача, и поэтому отношение больного к тому и другому зиждется на вере. Поэтому здоровая оценка и доверие к ученому может основываться только на общественном мнении самих же ученых. Это и есть та причина, почему организация научных учреждений, как академия, университет, всегда и всюду строится на выборном начале.

Без опоры на общественное мнение ученых передовая наука у нас не может и не будет процветать и все наши новые начинания будут гибнуть, как сейчас погибла кислородная проблема. <...>

Ясно, что все это ненормально, а причина все та же — без доверия и уважения к ученым, основанного на мнении других ученых, процветание свободной и продуктивной творческой работы в науке и всего нового, связанного с ней, невозможно.

Это доверие и уважение к ученым не легко и не сразу создается, но к нему надо стремиться, его надо внушать и искать те организационные формы, при которых оно осуществляется.

Есть еще один вопрос, который вызывает у меня недоумение. В постановлении выставлена как одна из причин моего снятия, что я не вводил у нас немецких установок. То, что нужно учитывать иностранный опыт и им пользоваться, это, конечно, ясно, но ставить ученому в вину старание идти своим путем — это равноценно упреку писателю, что он пишет свои произведения, а не занимается переводами. То, что я поднял кислородную проблему и создал свои, советские кислородные установки низкого давления, которые я по-прежнему считаю наиболее передовыми из существующих, как раз этим-то я и гордился и, несмотря на все,

горжусь и буду гордиться, да и не сомневаюсь, что со временем и страна будет гордиться.

По всем этим пунктам я своей вины не могу найти. Теперь есть последняя возможность моей ошибки. Многие товарищи мне указывали на следующее: «Ты чересчур прямолинеен, не считаешься с самолюбием людей и пр.» Они говорят, что надо быть послушным и приспособляться к хозяевам. Если хотят планов, обещаний и пр., отчего же их не дать, если это ограждает от неприятностей. Это действительно у меня не выходит.

Я очень уважаю Вас и Ваших основных сотрудников и не вижу способа выразить большего уважения, как говорить Вам то, что думаю. Я также верю, что это необходимо для той цели, которая нас всех объединяет, — это благо страны. Я безусловно сочувствую тем новым направлениям, на которых Вы строите государство, понимаю и оцениваю все трудности, которые Вы встречаете на новом пути. Я считаю, что для меня, как ученого, основной способ посильно содействовать Вашей созидательной работе — это помочь отыскать наилучшие организационные формы для нашей науки, а это может быть только тогда, когда ученый не будет бояться прямо говорить, что думает даже в том случае, когда это неприятные вещи.

Я хочу надеяться, что меня наказывают не за это.

Конечно, я верю, что со временем мы придем к более здоровым организационным формам научной работы и правда о кислороде выйдет наружу и время покажет, что турбинный метод низкого давления победит. <...>

Из всего происшедшего мне ясно, что при создавшемся положении продолжать свою научную работу по основным проблемам мне невозможно. Не только потому, что я не понимаю и никто мне не сказал, что я сделал плохого и почему меня нужно было лишить возможности научно работать, но и по следующим конкретным причинам.

Первое. В 1934 г. я мог и согласен был работать только в моем институте, который, как Вы помните, тогда привезли из Англии. Так же я смотрю на вещи и сегодня. Этот институт я люблю, как свое дитя, я им горжусь, его я создавал 20 лет, он всецело приспособлен для моей личной работы, и работать и руководить другим для меня нелепо и я не буду. Без него я обречен на кабинетную работу. Сейчас я, как скрипач, у которого отобрали скрипку, могу играть только на гребенке.

Второе. Потому что нет для этого нужного доверия и уважения ко мне как к ученому, необходимой основы для смелой работы.

Третье. По своему складу, как ученый, я только могу работать в области искания новых путей, а это мне поставлено в вину.

Четвертое. Несомненно, что теперь люди будут остерегаться идти ко мне работать, так как сейчас пострадал не только я один, но и мои ученики и помощники.

В создавшемся положении мне остается только одно — спокойно и терпеливо ждать. Поэтому я прошу Вас не истолковывать мою работу в уединении как нежелание служить стране, хотя, работая в лаборатории, чувствуешь себя полноценнее как ученый, но и за письменным столом можно делать полезные работы.

Если не будет возражений, то я постараюсь у себя в комнате на даче организовать маленькую лабораторию для элементарных опытов, и было бы очень хорошо, если бы мне разрешили взять к себе моего постоянного ассистента и кое-какие приборы из института.

Поэтому очень прошу Вас, чтобы Вы дали указания, чтобы мне помогли в этом, чтобы мне не мешали спокойно работать и чтобы больше не обижали. Я, со своей стороны, готов сидеть тихо и смирно до тех пор, пока не произойдет переоценка ценностей и не изменится отношение ко мне, тогда я смогу опять в полной мере служить стране, людям и науке.

П. Капица

15. И. В. Сталину

6 августа 1948, Николина Гора

Товарищ Сталин!

Уже два года как я лишен возможности полноценно научно работать.

За это время из хода развития мировой техники становится все очевиднее, что моя точка зрения на проблему интенсификации кислородом основных отраслей промышленности (горючее, металл и пр.) как на наиболее крупную из современных задач в развитии техники народного хозяйства становится общепризнанной. <...>

За последние месяцы в печати все продолжают появляться сведения еще о новых постройках в США и теперь еще во Франции огромных кислородных машин моего типа. Такие установки служат в США для синтеза жидкого горючего, каждая из них имеет производительность более 250 000 тонн в год, из них 70% — высокооктановое.

История учит, что в вопросах осуществления новой техники время неизбежно устанавливает научную правду, я и жду терпеливо того несомненного момента, когда всем будет неоспоримо ясно, что, когда два года тому назад у нас было полностью закрыто мое направление работ, мы не только пошли по неправильному пути копирования изживших себя немецких установок высокого давления, но, главное, мы безвозвратно погубили свое родное, оригинальное, очень крупное направление развития передовой техники, которым по праву должны были гордиться.

Тогда же «опала» с меня будет снята, так как неизбежно будет признано, что я был прав как ученый и честно дрался за развитие у нас в стране одной из крупнейших проблем эпохи.

Я хорошо понимаю, что пока я поставлен в положение «опального ученого», которого сторонятся, которому бояться помогать и пр., я не могу думать о том, чтобы искать широких поприщ для моей научной работы и должен ограничиваться тем, чтобы пытаться успешно ее вести в одиночестве и в скромных масштабах. С теми небольшими средствами, которыми я сейчас располагаю, я уже могу вести научную работу по теории и эксперименту. Пока я сделал четыре работы (оттиски уже опубликованных посылаю отдельно). Даже удалось сделать небольшое открытие: новый вид волнового течения жидкости. Но работа идет медленно, так как все, включая приборы, делаешь один, своими руками, помогают только домашние.

Для улучшения условий работы мне нужно:

а — чтобы прикомандировали ко мне моего постоянного ассистента, хотя бы одного С. И. Филимонова;

б — легализировали мою лабораторию: дали две-три штатные единицы, отпускали на нее регулярно средства и оборудование, произвели здесь неотложный ремонт (отопление и пр.).

Я уже несколько раз просил об этом Академию наук, они были бы согласны на эти скромные запросы, но говорят, что в Совете Министров этого не одобряют. Поэтому я и обращаюсь к Вам. Зная Ваше уважение к научному творчеству, я уверен, что Вы любезно согласитесь дать указания Академии наук, чтобы улучшили условия моей работы.

В моем настоящем положении я не вижу, каким путем, помимо этой небольшой научной работы и преподавания в университете, я могу быть в большем масштабе полезным стране и науке, как бы мне этого хотелось.

П. Капица

16. И. В. Сталину

30 декабря 1950, Николина Гора

Товарищ Сталин,

Мне передал товарищ Г. М. Маленков, чтобы я написал Вам подробно о своей теперешней работе в области электроники.

О работе, проделанной за последние четыре года, я написал для Вас прилагаемую записку. В ней описаны полученные результаты и сущность того нового, что я нашел. Также я даю программу работ, которые намечаются на ближайшее время.

Научные основы проблемы получения энергетических пучков большой мощности для обороны и основные результаты, полученные мною, я изложил в записке на имя Президента Академии наук СССР от 5 мая 1950 г. и прилагаю копию этой записки. На основании этой записки, по указанию Вавилова, Академия наук стала оказывать мне более активную помощь в моей работе. Я написал эту записку Вавилову также с целью привлечь внимание Академии наук к этой проблеме, так как я думаю, что она актуальна и теперь осуществима. Будет печально, если кто-либо ее сделает раньше нас. <...>

Сейчас в своей работе я стремлюсь как можно скорее осуществить пучки большой мощности и этим доказать значимость найденного пути. Ведь опыт — это единственное доказательство, которое убедительно для всех и до конца

Сейчас у меня почти все есть для начала этих опытов. Главная задержка — в подаче электроэнергии и трудность работать без хорошего ассистента. Если эти помехи будут устранены, то я смогу приступить к опытам в феврале.

Я еще раз прошу Вас о помощи, ведь она очень скромна и вся направлена только на ускорение осуществления поставленной задачи. Ученному необходимо, чтобы ему оказывали некоторое доверие, без этого ему очень тяжело работать.

П. Л. Капица

17. Г. М. Маленкову

22 июля 1953, Николина Гора

Председателю Совета Министров СССР
Г. М. Маленкову

Глубокоуважаемый Георгий Максимилианович!

Два месяца тому назад, 15 мая, у Президента Академии наук СССР А. Н. Несмеянова <...> происходило совещание, о котором, мне думается, в связи с событиями последних дней мне следует Вам написать. (10 июля 1953 г. в газетах было опубликовано информационное сообщение о Пленуме ЦК КПСС, на котором был заслушан «доклад Президиума ЦК КПСС — тов. Маленкова Г. М. о преступных, антипартийных и антигосударственных действиях Л. П. Берия, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала...» Одновременно сообщалось о передаче дела Берии на рассмотрение Верховного суда СССР. — П. Р.)

Совещание было по поводу организации моих работ в области электроники, и, поскольку Президент проявлял нерешительность в их под-

держке, я поднял вопрос о причине того, что вот уже 7 лет мне, как ученому, не дают возможности полноценно работать. Я просил Президента указать хоть на одну крупную ошибку в моей научной работе, которая могла бы оправдать такое отношение ко мне.

Факты говорят как раз обратное. Когда меня наказывали в 1946 г., в основную вину мне была поставлена ошибочность предложенного и разработанного мною нового направления в кислородной проблеме — именно цикл низкого давления. Я и некоторые другие ученые не были согласны с этим, и последующие годы действительно показали, что постановление Совета Министров, касающееся оценки моих работ, несомненно было ошибочно. Теперь мои работы в области кислорода пользуются широким признанием не только за границей, но и у нас. Как раз сейчас крупнейшая установка в Туле построена по моему циклу низкого давления и с моими турбодетандерами. Как и следовало ожидать, все экономические показатели этой установки получились значительно выше прежних немецких установок высокого давления. <...>

Так почему же, спросил я, вот уже 7 лет меня лишают моих учеников, сотрудников, созданных мною уникальных установок для работы в области низких температур и сильных магнитных полей? Эти работы, по общему признанию, выдвигали нашу советскую науку на ведущее место в одной из крупнейших областей современной физики.

Я ставлю перед ним как Президентом вопрос, что я сделал такого плохого, чтобы могло быть оправдано теперешнее систематическое удушение моих научных работ? Несмеянов ответил, что он считает, что причина этого отношения не вызвана моей научной деятельностью и она не была ему сообщена как Президенту Академии наук.

Я попросил его обратиться в Правительство с официальным запросом и выяснить эту причину, потому что не только как ученый, но и как советский гражданин я имею право знать, в чем я неправильно поступаю, и его положение Президента Академии наук обязывает ответить на такой вопрос академика. После такой резкой с моей стороны постановки вопроса Президент спросил меня, не было ли у меня личного столкновения с некоторыми из членов Правительства. Я ответил, что у меня не было таких столкновений, если не считать Вознесенского. Несмеянов заметил, что теперь это не имеет значения, и спросил, не было ли у меня столкновений с Берия. Я сказал, что действительно у меня был с ним ряд крупных расхождений, но все эти разногласия касались дела, и я думал, что у нас в стране это не может быть причиной для того, чтобы лишать ученого возможности научно работать. Мне сказали, что напрасно я так думаю, и присутствующий при этом академик Топчиев указал, что как раз Берия всецело ведет теми областями новой техники, к которым относятся и мои работы — как теперешние, по электронике, так и прежние.

После этого разговора я все же не мог поверить, что Несмеянов и Топчиев правы и что в нашей стране развитие научных проблем мо-

жет определяться нерасположением к ученому отдельного руководящего лица.

Сейчас в свете событий последних дней приведенный разговор приобретает совершенно новый смысл. По-видимому, у академиков Несмеянова и Топчиева имеются данные, которые привели их к заключению, что лично Берия все эти годы тормозил и губил развитие моей научной работы. <...>

В связи с этим, я думаю, что сейчас я имею основания поставить вопрос перед Советом Министров о пересмотре отношения к моей научной работе.

Я прошу о следующем.

В кислородной проблеме факт успешного перехода промышленности на предложенный мною цикл низкого давления для получения больших количеств кислорода и работающий на моих турбодетандерах как у нас, так и за границей, несомненно показывает, что оценки моих работ в постановлении Совета Министров от 17 августа 1946 г. № 1815—782 и в постановлении Академии наук СССР от 20 сентября 1946 г., протокол № 23, являются ошибочными.

Признание этой ошибки не только будет благотворно для развития передовой советской науки, так как даст уверенность нашим ученым, что научная истина у нас в Союзе торжествует, но это важно также для успешного развития моих настоящих работ в области электроники. <...>

Также я думаю, что следует поднять вопрос об установлении нашего приоритета и материального использования наших патентов по турбодетандерам и циклу низкого давления за границей, в особенности в США. <...>

Больше всего меня сейчас волнует судьба Вам известной разрабатываемой мною проблемы электроники больших мощностей... За эти годы несмотря на все трудности и препятствия, которые лежали на моем пути, я все же так далеко продвинул решение этой проблемы, что научная общественность в лице известной Вам академической комиссии еще год тому назад единодушно высказалась за поддержку и развитие моих работ. Но решение комиссии до сих пор не было осуществлено, и я не получаю нужной мне помощи. Причина этого сейчас становится ясной из приведенного мною разговора с Несмеяновым и Топчиевым и заключается в том, что этому мешал Берия, и теперь это должно прекратиться...

Я надеюсь, что поставленные вопросы своевременны и, вспоминая с признательностью помощь, оказанную Вами в моей научной работе, я надеюсь, что Вы окажете внимание моим просьбам, даже в это занятое для Вас время.

Искренне уважающий Вас
П. Капица.

18. Н. С. Хрущеву

22 сентября 1955, Николина Гора

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич!

Я посылаю Вам копии некоторых писем, написанных мною товарищу Сталину десять лет тому назад.

Они отражают ту ненормальную обстановку, которая тогда существовала для научной работы и которая и сейчас еще полностью не изжита, и поэтому, может быть, эти письма представляют для Вас некоторый интерес.

Обращаю Ваше внимание на письмо от 25 ноября 1945 г., в котором я вторично прошу освободить меня от работы по атомной бомбе, после чего меня и освободили (21 декабря). Из этого письма совершенно ясно, что единственной причиной, заставившей меня отказаться от этой работы, (было) невыносимое отношение Берия к науке и ученым. Мне думается, что моя тогдашняя критика нашего начального хода развития атомных работ была в дальнейшем учтена и оказала пользу. Так что все нарекания на меня, что я, дескать, пацифист и потому отказался от работы по атомной бомбе, ни на чем не основаны. Хотя я лично не вижу, почему следует вменять в вину человеку, если он по своим убеждениям отказывается делать оружие разрушения и убийства? Во время войны я активно участвовал в наших оборонных работах, так как считаю, что человеку естественно и правильно защищать свою страну от агрессии извне. Что касается моей борьбы с Берия, я не только считаю ее правильной, но и бесполезной.

Среди копий писем я послал некоторые из тех, которые освещают вопрос о кислородной проблеме и тот путь, который избрал Берия, чтобы погубить ее. Это может представить интерес, поскольку сейчас ЦК пересматривает прежнее решение Совета Министров по кислородной проблеме. <...>

Уважающий Вас
П. Капица.

19. Н. С. Хрущеву

23 августа 1956, Москва

Глубокоуважаемый Никита Сергеевич!

Мне думается, что я вправе поставить вопрос о моральных условиях, которые нужны для успешной научной работы. Еще при первой бе-

седе с Вами я говорил, что самое главное для успешной работы, это «доброе отношение» к ученому.

Без чувства, что его ценят, ему доверяют, его работой интересуются, любой творческий работник, будь то ученый, писатель или художник, интенсивно и смело работать не может. Я согласен с высказыванием тех историков, которые показывают, что уровень науки и искусства в стране главным образом определяется отношением окружения к ведущим творческим работникам. Этим, например, Тэн объясняет то, что в эпоху Возрождения в Италии появилась целая плеяда гениальных художников, равной которой мир до сих пор не знает. Действительно, можно ли себе представить, например, музыканта, совершенствующего и развивающего свою игру, если бы ему приходилось выступать только перед аудиторией глухонемых?

То, что «доброго отношения» в моем случае сейчас нет, видно из ряда фактов.

Сейчас Калькуттский университет присудил мне золотую медаль имени Сарвадикари, по-видимому, это наиболее крупная научная награда в Индии. Я должен был ехать в Калькутту получать ее на торжественном заседании 1-го сентября. Кроме того, ряд научных учреждений Индии приглашает меня в Бомбей и Дели. Меня в Индию не пустили.

Такого же рода недоверие проявилось в следующем. Недавно в Москву приезжали английские ученые, среди них ряд моих старых друзей по Кембриджскому университету, где я проработал 13 лет. Естественно, что я приглашал их к себе на дом. После этого меня специально вызвал к себе Президент Академии наук академик Несмеянов и в присутствии академика Топчиева сказал мне, чтобы я не общался с иностранными учеными без присутствия третьего лица. Простите за резкость, но от этого разговора у меня остался тяжелый осадок. Мне как бы представилось, что я разговаривал не с товарищами-учеными, а с жандармскими офицерами.

Следующий факт еще обиднее. У нас в Президиуме Академии наук только один физик (Курчатов), но в то же время 3 химика и 3 математика. Мы считаем такое положение ненормальным, так как в данное время физика играет ведущую роль и поглощает наибольшие материальные средства. С этим согласен и Несмеянов, поэтому было решено увеличить число физиков в Президиуме. Отделение физико-математических наук выдвинуло меня как кандидата для выборов в Президиум. Когда Несмеянов обратился по этому вопросу в ЦК (говорят, к тов. Суслову), то ему сказали: «воздержаться» от того, чтобы меня выбирать, и выборов не было.

Приведу еще следующий случай. Еще в 1949 г. меня уволили с должности заведующего кафедрой в университете за то, что я не был на заседаниях, посвященных 70-летию Сталина. Процедура увольнения была

настолько любопытна, что я посылаю Вам копию письма академика Христиановича, объясняющего причину увольнения, а также приказ об увольнении, подписанный тогдашним ректором МГУ (Несмеяновым). Недавно академик Петровский, ректор МГУ, по-видимому, хотел загладить эту историю и, когда мы с ним виделись, то он предложил, что на первых порах сделать меня членом ученого совета МГУ. Но из этого ничего не вышло, Министерство высшего образования отказалось утвердить мою кандидатуру.

Но самое для меня угнетающее — это история с кислородом. Своим постановлением от 17 августа 1946 г. Совет Министров осудил мои работы по кислороду (и меня) как ученого, так и начальника Главкислорода. Меня тогда отовсюду сняли, и по сей день я отстранен от «кислородных дел». Кроме этого, еще отменили присужденную мне Сталинским комитетом премию за работу по кислороду. Тогда же ряд ученых и инженеров подали особое мнение, в котором говорили, что мои работы по кислороду были правильными и передовыми в мировой технике. Уже через 2—3 года сама жизнь показала мою правоту, когда установки для получения кислорода моим методом низкого давления стали делать в Англии, Франции, Америке. Этим странам понадобились мои патенты, и стали приходиться многочисленные запросы, чтобы их у нас купить. Поскольку это отношение зарубежной промышленности было лучшим доказательством прогрессивности и новизны моих научных работ по кислороду, то еще тогда Президент Академии наук С. И. Вавилов от имени Академии написал в Совет Министров о том, что надо пересмотреть решение правительства, но, кроме того, он также посоветовал мне написать тов. Микояну о необходимости продажи моих патентов. Копию своего письма тов. Микояну я прилагаю. Ответа на эти письма ни я, ни Академия наук не получили. <...>

В прошлом году Академия наук еще раз, по-видимому, в третий, обратилась в ЦК и в Совет Министров с просьбой пересмотреть прежнее решение о моих работах по кислороду. Но вот уже год как это дело лежит в ЦК без движения.

Ведь нелепо продолжать наказывать ученого за успешную работу, которую признают во всем мире как наиболее передовую. На ученого это действует куда хуже, чем на музыканта, выступающего перед глухими, о чем я говорил в начале письма. При таком обращении с людьми у нас найдется мало охотников смело, творчески работать. Такое отношение нашего руководства к науке и научной работе совершенно не согласуется с установкой на развитие передовой науки, которую мы проповедуем.

Даже в те годы, когда я был отстранен от большой научной работы, я продолжал чувствовать, что широкая научная общественность высоко оценивает мои достижения. Не только мои работы вошли в учебники у нас и за границей, но нет крупной страны, где моя научная деятельность не была бы отмечена тем, что я выбран почетным академиком или

доктором, либо я получил медаль. Это объективно доказывает, что мои научные работы ценят. Конечно, в нормальных условиях вся эта внешняя сторона служит больше для удовлетворения личного самолюбия, но в том положении, в котором я тогда находился, это являлось источником уверенности в собственной правоте и помогало сохранять бодрость духа.

В жизни при проведении новых идей всегда нужна точка опоры — ею для меня являлась научная общечеловечность. <...>

Я пишу Вам так подробно, чтобы привлечь Ваше внимание к этому вопросу, так как он касается не только меня, но и ряда наших выдающихся творческих работников, не работающих в полную силу из-за отсутствия доброго отношения к ним. Мне думается, что это одна из важнейших причин, почему мы все больше теряем лидерство в науке и в искусстве.

Атмосфера доброжелательства для развития любого вида творчества важнее всех материальных благ.

Уважающий Вас
П. Капица.

20. Ю. В. Андропову*

**Председателю Комитета гос. безопасности
при Совете Министров СССР
Товарищу Ю. В. Андропову**

18 апреля 1973, Москва

Глубокоуважаемый Юрий Владимирович!

Ко мне обратился член-корреспондент Академии наук СССР Борис Николаевич Делоне поддержать его просьбу перед Вами о судьбе его любимого внука Вадима. Он молодой поэт, за участие в демонстрации в связи с чехословацкими событиями отбыл три года наказания. После этого он женился, и 3 января этого года, как он мне сказал, в связи с показаниями Якира его жену арестовали, и он очень тяжело переживает это. Он пришел ко мне познакомиться, парню 25 лет, он мне понравился, он искренен и увлекающийся, и жизнь воспринимает под углом идеализма молодости. Я уверен, что нашему государству он опасности не представляет. Семья Делоне мне давно известна как очень достопримечательная — три поколения Делоне видные ученые. Прадед Вадима, профессор Киевского политехникума, был учеником «отца авиации»

* Публикуется впервые.

Н. Е. Жуковского и сам принимал участие в создании нашей авиации. Дед, ему 83 года, крупный математик-геометр, уже 44 года является членом-корреспондентом Академии наук. Отец — физик и научный работник Физического института Академии наук. Потомственная прогрессивная интеллигентская семья — к ее благополучию Советская власть, я думаю, справедливо может отнестись с вниманием. Восстановить семейную жизнь Вадима будет Соломоновым решением.

Как известно, период «Sturm und Drang» у молодежи проходит. Те, которые понимают поэзию не так, как я, считают, что у Вадима есть талант. Все, кто его знает, говорят о нем хорошо и так же хорошо говорят о его супруге И. М. Белогородской.

Пожалуйста, если это в Ваших возможностях, помогите Делоне.

Уважающий Вас
П. Л. Капица

21. Л. И. Брежневу

4 декабря 1981, Москва

Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

Я уже очень старый человек, и жизнь научила меня, что великодушные поступки никогда не забываются.

Сберегите Сахарова. Да, у него большие недостатки и трудный характер, но он великий ученый нашей страны.

С уважением
П. Л. Капица

ЧИТАЯ ПИСЬМА ОТЦА

По прошествии более чем 40 лет нелегко обращаться к событиям, происходящим тогда в нашей семье и стране. В 1945 году я окончил второй курс Московского авиационного института. Летом того же года американцы взорвали первые атомные бомбы. Тогда же начало портиться то настроение приподнятости и надежд, которое наступило после Победы.

Письма отца лучше всего рассказывают о наступлении на его дело — кислородную промышленность, которую он создавал и от которой был несправедливо отстранен. Однако самым сильным ударом было для него, когда его сняли с поста директора Института физических проблем. Лишенный возможности работать, он жил, практически безвыездно, на даче на Николиной Горе, никогда даже не ночуя в Москве.

Первые полгода Петр Леонидович был в глубоком расстройстве и тяжело болел. Однако затем он вновь начал работать, работать в любых условиях, последовательно и неуклонно добиваясь всего необходимого. Ведь физику-экспериментатору нужно много больше, чем теоретику или математику. У отца отняли институт, установки, те самые, что при организации института ему выслал из Англии Резерфорд. У него отняли всех его сотрудников. В избе-лаборатории помогали лишь мы с братом Андреем.

В странных условиях отлучения от науки большое значение имела часто внешне незаметная помощь настоящих друзей отца. Тогда многие «раззнакомились», кто из простого страха, беспринципности или осторожности, а иногда и по прямому указанию прекратили какие-либо контакты с нами. С другой стороны, в эти годы отец сблизился с двумя очень разными по стилю, но независимыми по духу писателями — В. В. Ивановым и М. М. Пришвиным. Пришвин и жил неподалеку в Дунино и бывал у нас.

Могущественный противник отца — Берия — пользовался различными приемами своего ведомства, чтобы следить за ним и оказывать давление. Трудно было иногда отвязаться от ощущения опасности, возможности роковой «случайности». Напоминанием о такой случайности была страшная смерть Михоэlsa в начале 1948 года. Незадолго до отъезда в Минск он пришел к отцу, пришел как бы попрощаться. По-видимому, предчувствовал свою гибель.

Однако, несмотря ни на что, отец начал тогда систематические исследования по гидродинамике тонких пленок вязкой жидкости. В экспериментальной части этой работы я принимал прямое участие. Хотя опыты проводились в более чем скромных условиях, сами эксперименты были осуществлены простыми, но далеко не тривиальными средствами, и я думаю, что их класс не мог бы быть выше и в хорошо обставленной лаборатории. Для меня это время было школой и мужества, и мастерства. Затем удалось привлечь С. И. Филимонова — неизменного с 1936 года помощника отца, замечательного работника и необычайно честного и преданного отцу человека. Позднее, когда Петр Леонидович занялся электроникой и плазмой, удалось найти больше средств и сотрудников.

В те годы, бросив курить, каждый день отец совершал регулярные прогулки либо с нашей мамой Анной Алексеевной, которая всегда во всем его поддерживала, либо со мной: мы практически в то время никогда не оставляли его одного, боялись за него. Упорядоченный и интеллектуально напряженный образ жизни несомненно сохранил здоровье отцу. Судьба же его коллег, работавших над бомбой, была другой. Возглавлявшие тогда крупнейшие ядерные институты И. В. Курчатов умер 57 лет, а А. И. Алиханов — 66 лет. И не от радиации, как это иногда представляют, а от болезни сердца, доведенные до инфаркта в первую очередь режимом и обращением с ними шефа «проблемы». Пожалуй,

только один отец посмел тогда сопротивляться всесильному Берии. В течение длительных прогулок по живописнейшим местам Подмосковья мы с отцом говорили о многом. Наиболее существенны были рассуждения о науке и обществе, науке и власти, мысли, которые сформировали и мое отношение к этим вопросам. Ведь и все письма отца Правительству были более всего посвящены науке и стране. Одно время, не имея не только ответов, но даже заметных изменений своего положения, отец вообще перестал писать. Вскоре как-то к нему приехал перепуганный управляющий дачным поселком и попросил отца позвонить по некоему телефону. Ему ответил Маленков, который передал, что Сталин не только читает, но и ожидает новых писем.

Решающее столкновение с Берией произошло из-за того, как вести дело по атомной проблеме. Это было лишь одним, пусть тогда наиболее острым вопросом организации науки, о месте и роли ученого. Главная роль ученого — открытие нового. Затем ученый может передать это знание другим, ведь наука неразрывно связана с образованием. Наконец знание, новое понимание можно внедрить в практику, в промышленность, в дело. Так наука становится сначала частью сознания, культуры, затем экономики. Ученый неизбежно оказывается вовлеченным в принятие решений, в обсуждение вопросов экономики и политики. Некоторые крупные ученые уходят от этих вопросов, и их нельзя винить. Часто разные функции исполняются разными людьми, иногда одним ученым на разных этапах жизни. У отца эти стороны его деятельности во многом перекрывались и были параллельны во времени, что придавало особую яркость его жизни. С одной стороны, это позволило во время гонений и трудностей легче их пережить, и с другой — давало основания для глубоких мыслей о судьбах науки.

Сегодня нас также не могут не беспокоить взаимоотношения Правительства и Ученого, судьбы нашей науки и культуры. Более того, можно думать, что в этом есть ключ к нашему будущему. Сможем ли мы найти силы, создать условия и привлечь наши лучшие умы и таланты к действенному развитию науки и промышленности, к воссозданию попорченной совести и культуры нашей страны? Это надо делать гораздо глубже и решительнее, особенно в области науки, чем то, как это происходит. Медлительность в этих вопросах поистине смерти подобна. Нельзя не видеть, что нынешняя пассивность может оттолкнуть, даже вытолкнуть из страны те силы, людей, которые более всего способны поднять нас из того глубокого прорыва, в который мы скатились. Надо четко понимать, что сегодня моральное состояние творческой прослойки, в первую очередь ее молодых сил, требует гораздо больше внимания и поддержки, чем когда бы то ни было. Состояние это — самое тяжелое наследие прошлого...

Так судьбы науки и культуры во времена Сталина, систематическое разрушение традиций и связи времен, массовое истребление и подавле-

ние творчества, личности ученых, художников, мыслителей имеют далеко идущие последствия, которые мы со всей остротой ощущаем и сегодня. Глубоким умам той эпохи это было ясно и тогда. Об этом писал в своих письмах Правительству И. П. Павлов, об этом свидетельствуют записи, письма В. И. Вернадского... Трагична судьба Н. И. Вавилова, четко предвидевшего результат правления Шариковых и Швондеров разного рода, однако и жизнь его брата С. И. Вавилова была также сложной. Назначенный через три года после гибели брата Президентом Академии наук, Сергей Иванович неизбежно стал свидетелем, если не инструментом разрушения науки, преследования ученых, которому он как мог противостоял, связанный в то же время своим положением. Мне памятен рассказ об ужине, на который в дом Вавиловых в районе Арбата неожиданно были приглашены мои родители. Отца поразила абсолютная откровенность, с которой Сергей Иванович говорил о судьбах науки и культуры, о том, что происходит в стране, откровенность тем более удивительная для сдержанного, даже замкнутого человека. Все знали, что большая столовая, где они вчетвером ужинали, прослушивалась. Через несколько дней Сергея Ивановича не стало. Он умер в 1951 году 60 лет от роду, не дожив до Нобелевской премии, которую он получил бы в 1957 году вместе со своим учеником П. А. Черенковым. Открытие и истолкование излучения, которое нам известно как излучение Вавилова-Черенкова.

Берия для того, чтобы нанести еще один укол отцу, постановил основанный им Институт назвать именем С. И. Вавилова. Несмотря на очевидную для всех нелепость и оскорбительное для памяти того же Сергея Ивановича Вавилова, это решение до сих пор не пересмотрено.

Угроза отцу со стороны Берии существовала до последнего момента. Однажды летом 1953 года на дачу внезапно утром приехала машина с двумя чиновниками. Один из них заведовал первым отделом Академии наук, другой, по-видимому, старший, прибыл якобы для того, чтобы инспектировать нашу пожарную охрану. Мы ознакомили их с состоянием противопожарного оборудования лаборатории, правилами внутреннего распорядка, вывешенными на видном месте, местом хранения ключей и наличием телефонной связи. Осмотр всех этих предметов довольно быстро удовлетворил любопытство наших посетителей. Однако прошло несколько часов, но наши гости все не уезжали и даже перестали искать повода для оправдания своего присутствия. По реплике отца я понял, что ему непонятен смысл всего происходящего. Уже после обеда, взглянув на часы, старший как-то быстро распрощался, и таинственные посетители исчезли так же внезапно, как и появились. Вечером того же дня я уехал в Москву со своим тестем А. М. Дамиром, известным врачом, замечательным и очень наблюдательным человеком. К нашему изумлению на Смоленской площади мы увидели танки с расчехленными пушками. На следующий день к моим своякам прибежала крайне возбужденная их давняя и близкая знакомая художница

Н. А. Ушакова, которая подрабатывала тем, что оформляла городской клуб милиции. Она шепотом сообщила, что ей срочно велели снять портрет Берии!..

Прошлое нельзя переписать заново. Вот почему история всегда привлекала отца. Из прошлого он черпал аналогии, примеры для иллюстрации настоящего и указания на пути в будущем. Поэтому и сегодня таким успехом пользуется его сборник научной публицистики «Эксперимент. Теория. Практика». Когда эта книга только должна была впервые выйти, она называлась «Теория. Эксперимент. Практика». Я тогда обратил внимание отца на эту последовательность слов, противоречащую его жизненным и научным принципам. Заголовок был изменен.

Два зачина — от опыта или теории на глубоком уровне отражают два подхода к миру. Для нашей страны примат теории над опытом, практикой, особенно в социальной, так и в технической и научной сферах, стал поистине роковым и источником наших многих бед. Преодоление стереотипа есть, быть может, важнейшая задача перестройки нашего мышления. У этого по существу идеалистического подхода есть и очень дальние истоки. Еще Апостол Иоанн начал свое Евангелие так: «В начале было Слово».

Первенство дела, практики у Петра Леонидовича было неоспоримым. Поэтому и сегодня его переписка, пришедшая к нам из другого времени, другой, как мы надеемся, навсегда ушедшей эпохи, была обращена и к будущему, к нашему времени и созвучна его теперешним проблемам. Поэтому ныне эта некогда секретная переписка, послания ученого тирану, как сказали бы в старину, могут и должны быть прочитаны народом, а не только теми, кто узурпировал некогда власть над нами. Быть может, здесь есть урок исторического оптимизма, который нам сегодня так нужен.

Сергей Капица

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Павел Рубинин. Противостояние	3
П. Л. Капица. Письма «наверх»	14
Сергей Капица. Читая письма отца	43

КАПИЦА Петр Леонидович

О НАУКЕ И ВЛАСТИ

ПИСЬМА

Составитель П. Е. Р у б и н и н

Редактор В. В. Б е л е ц к а я

Технический редактор Т. Я. К о в ы н ч е н к о в а

Сдано в набор 24.05.90. Подписано к печати 4.07.90. А 00337. Формат 70 × 108¹/₃₂.
Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Усл.
кр.-отт. 2,28. Уч.-изд. л. 3,13. Тираж 150 000 экз. Заказ № 2333. Цена 10 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Лени-
на издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

**ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА
ЧЕРЕЗ УЧРЕЖДЕНИЯ
СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО БАНКА СССР**

● Одной из прогрессивных форм обслуживания трудящихся является выплата через учреждения Сберегательного банка СССР заработной платы рабочим и служащим, денежных заработков колхозникам и членам кооперативов.

● Такая форма расчетов имеет большое социально-экономическое значение и тесно сочетает интересы государства с личными интересами трудящихся.

● Заработная плата может перечисляться на Ваш счет по вкладу в любое учреждение Сберегательного банка СССР.

Деньги со вклада выдаются в удобное для Вас время в полной сумме или частями.

Вкладчик может оформить доверенность любому лицу на получение денег, а также завещать свой вклад.

По желанию вкладчика его вклад может быть переведен в учреждение Сберегательного банка любого района страны.

● **Сберегательный банк СССР к Вашим услугам!**